

III.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ.

Василій Васильевичъ Темный.

р. 1415 † 1462.

Василію Васильевичу было десять лѣтъ, когда умеръ отецъ его ³³⁶). Легко было предвидѣть, что у юнаго великаго князя будутъ соперники въ лицѣ дядьевъ его, хотя бы онъ наслѣдовалъ престолъ и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ: старинныя понятія о старшинствѣ, по крайней мѣрѣ между самими князьями, еще не вполне были вытѣснены новыми понятіями о престолонаслѣдіи. Борьбу предвидѣлъ еще самъ умершій великій князь. Чтобы предупредить могущія возгорѣться послѣ его смерти распри, съ одной стороны, между его братьями и, съ другой, его сыномъ - наслѣдникомъ, Василіемъ

336) Ibid. I, 234; VI, 140; VIII, 87; Ник. V, 56 вездѣ подъ 1415 г. По однимъ Василій Васильевичъ родился 10, по другимъ — 15, по третьимъ 21 марта. Самое рожденіе Василія обставлено въ лѣтописяхъ необыкновенными явленіями. Въ день рожденія мать его до того стала изнемогать, что, казалось, скоро умереть. Великій князь послалъ въ монастырь Іоанна Предтечи, что за р. Москвой, къ извѣстному ему святостию жизни старцу, котораго просилъ помолиться о княгинѣ. Старецъ сказалъ посланному, что бы великій князь молился Богу и Его Пречистой Матери и покровителю рода великаго князя св. Логину-сотнику, а о княгинѣ не скорбѣлъ бы, потому что она будетъ здорова и въ этотъ вечеръ родитъ сына-наслѣдника, что и сбылось. Когда у великаго князя родился сынъ, въ келью великокняжескаго духовника (въ Спасскомъ монастырѣ) кто-то стукнулъ и сказалъ: «иди, нарци имя великому князю Василію». Духовникъ, взявши все необходимое, вышелъ изъ кельи, но посланнаго не нашелъ; тѣмъ не менѣе онъ пошелъ въ великокняжескій дворецъ и на дорогѣ встрѣтилъ посланнаго за нимъ отъ великаго князя, и спросилъ его, не онъ ли приходилъ за нимъ, — но получилъ отрицательный отвѣтъ. По нарѣченіи имени новорожденному, духовникъ многихъ спрашивалъ, кто за нимъ присылалъ прежде, но ничего не могъ добиться. «Мнѣ же, говоритъ лѣтописецъ, о семъ Стефанъ діакъ сказа, а о прежнемъ пророченіи старца Дементей печатникъ, а сему, сказа, повѣда великаа княгини Маріа.»

Димитріевичъ, какъ мы видѣли, еще лѣтъ за 6 до своей кончины (въ 1419 г.) хотѣлъ «привести въ цѣлованіе подъ Василья» брата своего Константина, который взглянулъ на это требованіе старшаго брата, какъ на нововведеніе и насиліе съ его стороны, и не далъ присяги, за что и лишень былъ удѣла³³⁷⁾. Что касается старшаго дяди юнаго великаго князя, Юрія Димитріевича, то Василій Димитріевичъ считалъ его, кажется, уже совсѣмъ неблагонадежнымъ: въ своей духовной грамотѣ онъ поручаетъ сына своего опека своей супруги, а послѣднюю вмѣстѣ съ сыномъ поручаетъ попеченіямъ, прежде всего, в. кн. литовскаго Витовта и братьевъ Андрея и Петра Димитріевичей; но о Юріи нѣтъ въ грамотѣ и помину, какъ и о Константинѣ³³⁸⁾. Юрій находилъ оправданіе своимъ притязаніямъ на великокняжескій столъ не только въ старинныхъ понятіяхъ о старшинствѣ, но и въ завѣщаніи отца своего. Димитрій Ивановичъ Донской въ своемъ духовномъ завѣщаніи, съ цѣлью устранить Владиміра Андреевича Храбраго отъ домогательства великокняжескаго стола, сдѣлалъ такую оговорку: «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему князь Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ (т. е. удѣломъ слѣдующаго за Васильемъ сына) подѣлитъ ихъ моя княгиня»³³⁹⁾. Здѣсь, какъ мы уже говорили выше, Димитрій Ивановичъ имѣлъ въ виду бездѣтную кончину Василія, который въ то время еще не былъ женатъ; въ противномъ случаѣ онъ не сдѣлалъ бы такого распоряженія, по которому дѣтямъ Василія, если бы таковыя явились, не оставалось бы ничего, никакого надѣла. Но Юрій основывался, очевидно, не на внутреннемъ смыслѣ завѣщанія, а на буквѣ его, хотя, можетъ быть, внутренно и сознавалъ всю неосновательность своихъ притязаній.

Тотъ-часъ послѣ смерти Василія Димитріевича митрополитъ Фотій послалъ въ Звенигородъ боярина своего — звать Юрія Димитріевича въ Москву, конечно, какъ на погребеніе умершаго брата, такъ, надобно полагать, и для присяги новому великому князю. Юрій, конечно, догадывался объ этомъ, даже боялся, можетъ быть, западни, а потому не только не явился въ Москву, но и убрался отъ нея подальше, — онъ уѣхалъ въ Галичъ, и здѣсь вполнѣ обнаружилъ его явно-враждебные Василію замыслы: изъ Галича онъ отправилъ въ Москву пословъ, по выраженію лѣтописи, «съ грозами» и требовалъ перемирія до Петрова дня. Это перемирное время онъ употребилъ на собраніе рати; а когда эта работа была окончена, онъ сталъ готовиться къ походу на Москву. Бояре и ближайшіе совѣтники Василія въ

337) Ibid. III, 109; IV, 119; V, 261; VIII, 90.

338) С. г. г. и д. I, № 42.

339) Ibid. № 34.

свою очередь не дремали: они собрали огромное ополченіе, при которомъ находились и остальные дядья великаго князя, и пошли къ Костромѣ. Юрій со всѣми людьми своими бѣжалъ отъ этого ополченія въ Нижній-Новгородъ; за нимъ посланъ былъ въ погоню Константинъ Дмитріевичъ; Юрій ушелъ далѣе, за р. Суру, къ которой подошелъ и Константинъ. Но послѣдній не преслѣдовалъ брата своего дальше по невозможности, будто бы, переправиться чрезъ рѣку и возвратился въ Москву. По уходѣ Константина Юрій возвратился въ Нижній-Новгородъ, а отсюда пошелъ въ Галичъ. Изъ Галича онъ отправилъ въ Москву пословъ просить перемирія на годъ. Великій князь, посовѣтовавшись съ митрополитомъ, матерью, дядьями и дѣдомъ Витовтомъ, а также и съ боярами своими, въ іюнѣ того же **1425 г.** просилъ митрополита Фотія отправиться въ Галичъ для заключенія не перемирія, а мира. Юрій Дмитріевичъ, говоря современнымъ языкомъ, при встрѣчѣ митрополита хотѣлъ сдѣлать внушительную для москвичей демонстрацію: онъ собралъ изъ своихъ городовъ, селъ и деревень множество людей и расположилъ ихъ по загородной горѣ, гдѣ долженъ былъ ѣхать митрополитъ. Фотій, по въѣздѣ въ Галичъ, пошелъ прямо въ соборную церковь Преображенія Господня помолиться, а послѣ молитвы, вышедши изъ храма и окинувши взоромъ громадное стеченіе народа, сказалъ Юрію: «Сыне, князь Юрь! не видахъ столко народа во овчихъ шерстяхъ, — вси бо бяху въ сермягахъ». Юрій, замѣчаетъ лѣтописецъ, хотѣлъ похвастаться тѣмъ, что у него много людей, «святитель же въ глумленіе сихъ вмѣни себѣ». Затѣмъ митрополитъ обратилъ къ Юрію рѣчь о мирѣ, но тотъ мира не хотѣлъ, а настаивалъ только на перемиріи. Фотій въ гнѣвѣ выѣхалъ изъ города, никому не давъ благословенія. Лѣтописи передаютъ, что тотъ-часъ по отъѣздѣ митрополита открылся моръ на людей. Въ страхѣ отъ постигшаго Божія наказанія Юрій всѣлъ на коня и догналъ митрополита за озеромъ въ селѣ Пасынковѣ (теперь Сынково) и со слезами умолилъ его возвратиться въ городъ. Фотій благословилъ князя, городъ и гражданъ, и моръ прекратился. Что же касается до заключенія мира, то Юрій по этому дѣлу послалъ къ великому князю боярина своего Бориса Галицкаго и еще Даніила Чешка, которые и докончали миръ съ великимъ княземъ. По мирному докончанью Юрій обзывался не искать великокняжескаго стола самолично, а только чрезъ хана; и который изъ князей, по этому договору, будетъ пожалованъ въ ордѣ великимъ княженіемъ, тотъ и будетъ великимъ княземъ владимірскимъ, В. Новагорода и всей Руси ³⁴⁰).

340) П. С. Р. Л. VII, 225; VIII, 2, 93; Ник. V, 82—85. По другимъ лѣтописямъ (V, 263; VI, 143) не Константинъ, а Андрей Дмитріевичъ можайскій ходилъ противъ Юрія, но отъ Суры возвратился ни съ чѣмъ, «норовя» ему, т. е. Юрію. См. Карамз. V, пр. 257.

Между тѣмъ Витовтъ начинаетъ тревожить отчину великаго князя, Псковскую землю. Въ **1426 г.** онъ подошелъ къ Опочкѣ; съ нимъ были, какъ передаетъ лѣтопись, земли: Литовская, Ляшская, Чешская и Волошская, а также и «татары его»; кромѣ того, у царя Махмета онъ выпросилъ дворъ его (вѣроятно, его личную стражу, конвой). Жители Опочки придумали хитрость: они сдѣлали на пути къ городу мостъ, который слабо держался на веревкахъ вмѣсто болѣе прочныхъ связей, а подъ мостомъ понабили множество кольевъ острыми концами вверхъ. Когда непріятель, ничего не подозревая, во множествѣ бросился черезъ этотъ мостъ къ городу, жители Опочки подрѣзали веревки: мостъ обрушился, враги падали на острия колья, а многіе изъ нихъ взяты были живыми, и съ ними поступлено было даже для тогдашняго времени слишкомъ грубо и варварски: въ глазахъ Витовта съ плѣнныхъ сдирали кожу, «а у татаръ рѣзаша . . . . .³⁴¹⁾ и въ ротъ влагаху имъ наругающеса». Витовтъ отступилъ къ г. Вороначу, гдѣ, по извѣстію лѣтописи, разразилась до того страшная гроза, что князь, держась за шатерный столбъ, постоянно выкрикивалъ: «Господи помилуй!» думая, что вотъ-вотъ разверзется земля и пожретъ его. Тѣмъ временемъ псковичи послали посадника своего съ боярами въ Москву просить великаго князя, чтобы онъ ходатайствовалъ о Псковѣ передъ дѣдомъ своимъ Витовтомъ. Зимой бояре Василя Васильевича пришли въ Псковъ и отсюда вмѣстѣ съ псковскими посадниками и боярами, захвативъ съ собою плѣнныхъ литовцевъ, отправились къ Витовту. Московскіе послы отъ имени великаго князя говорили Витовту: «Что ради ты тако чинишь черезъ докончаніе? Гдѣ было тебѣ быти со мною за единъ, и ты мою отчину воюешь и пусту творишь!» Въ то же время псковичи кланялись Витовту тремя тысячами рублей. Литовскій князь, принимая во вниманіе ходатайство внука своего, взялъ только одну тысячу и ушелъ домой³⁴²⁾. Это было уже въ **1427** году. Въ слѣдующемъ **1428** году псковичи просили себѣ князя у Василя, и къ нимъ назначенъ былъ кн. Александръ Федоровичъ ростовскій. Витовтъ, однако, не ду-

341). Pudenda.

342) Ibid. IV, 204—205; V, 26; VIII, 94; Ник. V, 93. Въ Псковской первой приходъ Витовта къ Опочкѣ, стычки здѣсь псковичей съ литвой, татарами и пр. и псковское посольство къ в. кн. московскому отмѣнены подъ 1426 годомъ, начиная съ *1-го августа*; послѣдняя дата подъ указаннымъ годомъ — *25-го августа*, когда псковичи, еще до отправленія въ Москву посольства, заключили съ Витовтомъ миръ подъ Вороначемъ, куда литовскій князь отступилъ отъ Опочки. Изложеніе событій слѣдующаго 1427 года (заключеніе мира псковскими и великокняжескими послами) начинается съ *5-го сентября*; есть, между прочимъ, даты *апрѣльскія*. То же и въ Псковской второй. Въ Воскресенской лѣт. подъ 1426 г. то же, что и въ Псковскихъ, но нѣтъ никакихъ мѣсячныхъ датъ, а подъ 1427 г. сообщаются совершенно другія событія, причемъ мѣсячныя даты встрѣчаются такія: 9-го іюня, 18-го октября и 13-го апрѣля. Въ Никоновской лѣт. все совмѣщено подъ 1426 годомъ.

малъ оставить въ покоѣ ни Пскова, ни Новгорода; онъ даже добился того, что Василій Васильевичъ цѣловалъ къ нему крестъ на томъ, что не будетъ помогать ни Новгороду, ни Пскову³⁴³).

Выше мы уже говорили о заключенномъ дядей и племянникомъ (Юріемъ и Васи́лемъ) мирѣ, по которому Юрій Дмитриевичъ обязывался искать великое княженіе не самолично, а чрезъ хана, т. е. отдать рѣшеніе спорнаго дѣла на волю хана. Очевидно, такой миръ былъ не проченъ: можно было постоянно ожидать, что при такихъ условіяхъ одна изъ сторонъ, на которой будетъ надежда на успѣхъ, постарается если не уничтожить, то смирить противника, не обращаясь къ хану, рѣшенія котораго московскіе князья давно уже трактовали какъ пустую формальность, нужную, можетъ быть, для мелкихъ князей и излишнюю для себя... Не было ли какихъ-нибудь угрожающихъ дѣйствій со стороны Москвы по отношенію къ Юрію? По крайней мѣрѣ, ни тотъ, ни другой изъ князей, по заключеніи мира въ **1425** году, не думалъ ѣхать къ хану для рѣшенія спора о великокняжескомъ столѣ; напротивъ, Юрій, какъ будто вынужденный какимъ-то внѣшнимъ давленіемъ на него, въ **1428** г. заключилъ съ Васи́лемъ не выгодный для себя договоръ, въ которомъ онъ называется по отношенію къ племяннику младшимъ братомъ. По этому договору Василій Васильевичъ не вмѣшивается въ удѣлъ Юрія, Галичъ и Вятку, а Юрій не вступаетъ въ отчину Васи́лія: Москву, Коломну, а также Нижній-Новгородъ, Муромъ и другіе его примыслы,—также во владенія младшихъ братьевъ своихъ, чѣмъ ихъ благословилъ отецъ или что они сами примыслили и примыслятъ; Юрій обязывается также не принимать къ себѣ московскихъ служебныхъ князей, которые — въ противномъ случаѣ — лишаются своихъ отчпнгъ; великій князь, съ своей стороны, обязуется оборонить Юрія отъ враговъ его и т. д.³⁴⁴).

Послѣднее обязательство Василій Васильевичъ въ слѣдующемъ **1429** г. оправдалъ на дѣлѣ. Къ Галичу подступили татары, но, не могши взять города, повоевали только окрестныя волости; на Крещенье они подошли къ

343) Ibid. IV, 205; V, 26. По Псковской первой псковичи просили князя въ 1429 г., и Александръ Феодоровичъ прибылъ во Псковъ 20-го февраля; а по Псковской второй это было въ 1428 г.; Александръ Феодоровичъ напередъ себя прислать во Псковъ сына своего Дмитрія, который, пробывъ во Псковѣ въ ожиданіи отца до полузимы и не дождавшись его, уѣхалъ въ Москву. Подъ слѣдующимъ 1429 годомъ также говорится о томъ, что псковичи отправили въ Москву пословъ (подъ 1428 г. упомянутъ посадникъ Феодоръ Шибалкинъ, а въ 1429 г. послами были другія лица), которые выпросили кн. Александра,— что послѣдній прибылъ во Псковъ съ сыномъ Дмитриемъ 20-го февраля, что псковичи приняли его. «Се же буди вѣдомо, прибавляетъ лѣтописецъ, яко сій князь Александръ уже третіеѣе пріѣха въ Псковъ княземъ. (Два раза псковичи брали его при Васи́ліи Дмитриевичѣ).

344) С. г. г. и д. №№ 43—44.

Костромѣ и взяли ее; за ней взяли еще Плесъ и Лухъ и ушли назадъ Волгою. Услышавъ объ этомъ, Василій Васильевичъ послалъ на татаръ Андрея и Константина Димитріевичей съ воеводою Иваномъ Димитріевичемъ, которые гнались за татарами до Нижняго-Новгорода, но, не настигну ихъ, возвратились домой; другіе же воеводы, Ѳеодоръ Константиновичъ Добрыньскій и кн. Ѳеодоръ Давидовичъ Стародубскій—Пестрой, нагнали татаръ за Нижнимъ-Новгородомъ: часть послѣднихъ была побита ими, другая — бѣжала, а полонъ ихъ остался въ рукахъ побѣдителей³⁴⁵).

Въ Литвѣ въ это время готовились къ невиданному торжеству: въ **1430 г.** Витовтъ приглашалъ къ себѣ въ Троки сосѣднихъ владѣтельныхъ государей на пиръ, такъ какъ хотѣлъ тогда, по совѣту римскаго цезаря, возложить на себя королевскую корону. На пиру у Витовта были: великій князь Василій Васильевичъ съ митрополитомъ Фотіемъ, князья тверскій и рязанскій, князья одоевскіе, мазовскіе, ханъ перекопскій, волошскій господарь-изгнанникъ, послы греческаго императора, великій магистръ прусскій, ландмаршалъ ливонскій и польскій король Ягайло. Польскіе магнаты, провѣдавши о намѣреніяхъ Витовта, исполненіе которыхъ клонилось къ обособленному отъ Польши, вполне самостоятельному существованію Литвы, всѣми мѣрами старались разстроить планы хитраго литвина: они подняли противъ него папу, перехватили посольство къ нему отъ римскаго императора въ надеждѣ отнять корону, которую, какъ они предполагали, императоръ посылалъ съ этимъ посольствомъ Витовту и пр. Послѣ гомерическихъ пиршествъ, происходившихъ въ Трокахъ и Вильнѣ, гости разѣхались, а Витовтъ, благодаря энергическому противодѣйствию его планамъ со стороны магнатовъ, не достигъ желанной цѣли. Въ томъ же году онъ скончался, и литовскій великокняжескій столъ занялъ братъ Ягайла, Свибригайло³⁴⁶).

Слѣдующій **1431** годъ былъ годомъ безпокойнымъ для Москвы вообще и для самого великаго князя въ частности. Невзвѣстно, по какимъ побужденіямъ въ этомъ году великій князь посылалъ воеводу своего кн. Ѳеодора Давидовича Пестраго противъ волжскихъ и камскихъ болгаръ. Походъ этотъ былъ удаченъ. Еще раньше этого похода Юрій Димитріевичъ прислалъ къ великому князю мирную грамоту **1428** года вмѣстѣ со складною грамотой³⁴⁷). Князьямъ-соперникамъ оставалось теперь только отираться

345) П. С. Р. Л. V, 263; VI, 143; VIII, 94; Ник. V, 96.

346) Ibid. V, 264; VI, 143; VIII, 2, 95; Ник. V, 96—97; Даниловича: «Skarbiec dyplomatów», № 1501 и сл.

347) Ibid. VI, 144; VIII, 95; Ник. V, 98; С. г. г. и д. I, № 43—44. Предположеніе С. М. Соловьева (Ист. Р. IV, 52), что Юрій разорвалъ миръ съ Василіемъ потому, что

въ орду и отдать спорное дѣло на рѣшеніе хана. Въ день Успѣнія Пр. Богородицы, послѣ молебствій и раздачи милостыни по монастырямъ, великій князь, отобѣдавъ на лугу противъ Симонова монастыря, отправился въ орду въ сопровожденіи умнаго, ловкаго и хитраго дипломата тогдашняго времени, боярина Ивана Дмитріевича Всеволожскаго. Юрій отправился въ орду позднѣе, въ концѣ первой половины сентября³⁴⁸). Въ ордѣ Васплія и его боярина взялъ къ себѣ доброжелатель ихъ, врагъ Юрія, московскій дарага Миньбулатъ³⁴⁹), который держалъ, въ то время, галицкаго князя въ великой истомѣ. Но и у Юрія въ ордѣ нашелся покровитель; это — ордынскій князь Шпринъ-Тегиня, который силой взялъ Юрія у Миньбулата и ушелъ съ нимъ на зимовку въ Крымъ, обѣщая выхлопотать для него великокняжескій столъ. Хитрый Всеволожскій, пользуясь отсутствіемъ Василіева соперника, пустилъ въ ходъ все свое дипломатическое искусство, чтобы обезпечить успѣхъ за Васпліемъ Васпльевичемъ. Онъ говорилъ ордынскимъ князьямъ (Айдару, Миньбулату и другимъ): «Сей ли, господине, ваше печалованіе къ царю и вѣрное ваше слово о нашемъ государѣ великомъ князѣ, что не можетъ царь изъ Тегинина слова выступити мимо всѣхъ васъ, но по его слову дати великое княженіе князю Юрію; и коли царь по его слову такъ учинитъ, а въ васъ тогда что будетъ? князь Юрій князь велики будетъ на Москвѣ, а въ Литвѣ князь велики побратимъ его Швитригаило, а Тегиня въ ордѣ и въ царѣ воленъ, не мѣлви въ васъ». Такими словами Всеволожскій, по выраженію лѣтописи, «яко же стрѣлюю уязви сердца ихъ» и добился того, что помянутые князья вынудили у хана приказъ — убить Тегиню въ случаѣ попытки его ходатайствовать за Юрія. Весной 1432 г. Тегиня возвратился изъ Крыма и узналъ объ этомъ приказѣ отъ ханскаго постельничаго, а потому и не рѣшался предпринять хотя что-либо въ пользу Юрія. Между тѣмъ Махметъ приказалъ разобрать дѣло князей. Василій Васпльевичъ искалъ великокняжескаго стола «по отчеству и по дѣдству», а Юрій на основаніи лѣтописцевъ (иначе, по стариннымъ понятіямъ о старшинствѣ) и мертвой (духовной) грамоты отца своего. Для хана, при другихъ

ободренъ былъ смертію Витовта и занятіемъ литовскаго великокняжескаго стола Свидригаиломъ, своякомъ его, который могъ, въ случаѣ надобности, поддержать своего побратима, правдоподобно, — хотя надобно замѣтить, что и тогда въ международныхъ политическихъ отношеніяхъ свойство часто не принималось въ расчетъ... Впрочемъ намекъ на возможность помощи Юрію со стороны Свидригаила есть въ приводимой въ текстѣ рѣчи Всеволожскаго, сказанной имъ ордынскимъ князьямъ.

348) П. С. Р. Л. III, 111; IV, 121, 206; V, 264 (1432 г.); VI, 148; VIII, 95; Ник. V, 108. По Псковской первой Юрій пошелъ въ орду 14-го сентября 1431 г., а по Воскресенской — 8-го сентября 1432 г. Вѣроятно, въ одной изъ этихъ лѣтописей принятъ годъ мартовскій, а въ другой — сентябрьскій.

349) О дорогѣ или дарагѣ см. пр. 265.

обстоятельствахъ, доводы Юрія могли бы показаться весьма убѣдительными. Но здѣсь выручаетъ Василю бояринъ Всеволожскій; онъ такъ говорилъ хану и князьямъ его: «Государь вольный царь! ослободи молвити слово мнѣ, холопу великаго князя. Нашъ государь великій князь Василей ищетъ стола своего великаго княженія, а твоего улусу, по твоему цареву жалованію и по твоимъ девтеремъ³⁵⁰⁾ и ярлыкомъ, а се твое жалованіе предъ тобою; а господинъ нашъ князь Юрій Дмитреевичъ хочетъ взять великое княженіе по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованію, волнаго царя; а ты воленъ въ своемъ улусѣ, кого въсхощешъ жаловати — на твоей воли, а государь нашъ князь великій Василей Дмитреевичъ великое княженіе далъ своему сыну великому князю по твоему жалованію волнаго царя; а уже, господине, который годъ сѣдитъ на столѣ своемъ, а на твоемъ жалованіи, тебѣ, своему государю, волному царю, правяся, а самому тебѣ вѣдомо». Хану, какъ видно, понравилась льстивая рѣчь Всеволожскаго: онъ отдалъ великое княженіе Василю и приказалъ Юрію вести коня подъ его соперникомъ (въ знакъ покорности); но Василій Васильевичъ не хотѣлъ безчестить дядю. Впрочемъ и ханъ не хотѣлъ слишкомъ ужъ обидѣть Юрія и придалъ къ его отчинѣ Дмитровъ, бывший удѣлъ Юріева брата Петра, умершаго въ 1428 г.³⁵¹⁾. Изъ орды Василій Васильевичъ возвратился въ Москву съ царевичемъ Мансырь-Уланомъ, который, тамъ же, *въ Москвѣ*, и посадилъ его на великомъ княженіи³⁵²⁾. Юрій возвратился въ свой Звенигородъ, а отсюда пошелъ во

350) Девтеръ или дефтеръ — слово турецко-татарское и значить: опись, реестръ, инвентарій. См. Энцикл. лекс. Плюшара XVI; Березина въ его статьѣ, указанной въ 265 прим.

351) П. С. Р. Л. V, 264; VI, 148; VIII, 95—96 (подъ 1432 г.); Ник. V, 109. О припадѣ Юрію Дмитрова говорятъ всѣ указаннныя лѣтописи; но одна изъ нихъ, Воскресенская, кромѣ того, выставляетъ и причину этой передачи: когда Василій отказался отъ почести, чтобы Юрій велъ подъ нимъ коня, Тегиня сталъ на сторону Василю и также не хотѣлъ Юрію безчестья и хотѣлъ «отступити отъ него» (хана), потому что въ то время на Махмета шелъ царь Кичимъ-Ахметъ (или Кичи-Махметъ?). Махметъ, по слову Тегини, «убоявся того сътворити» (т. е. чтобы Юрій велъ подъ Василюемъ коня) и придалъ Юрію, по слову того же Тегини, Дмитровъ. См. слѣд. прим.

352) Ibid. III, 111; IV, 121, 206; V, 264; VI, 148; VIII, 96. Нѣкоторыя изъ лѣтописей, указаннныя въ этомъ и предъидущемъ примѣчаніяхъ, пребываніе Василю въ ордѣ и возвращеніе на Русь отмѣчаютъ подъ однимъ и тѣмъ же 1431 годомъ; другія пребываніе въ ордѣ относятъ къ 1431 г., а возвращеніе — къ 1432-му; третьи, наконецъ, или оба эти факта помѣщаютъ подъ однимъ 1432 годомъ, или первый фактъ — подъ этимъ годомъ, а второй — подъ слѣдующимъ, и при томъ одинъ, какъ Псковская 1-я, говорятъ, что Василій возвратился въ Москву на Рождество Іоанна Предтечи (24-го іюня), а другія, какъ Воскр. и Никон., указываютъ на Петровъ день (29-го іюня). По Соф. второй ханскій посолъ, царевичъ Мансырь-Уланъ, посадилъ Василю на княженіе 5-го октября, но не во Владимірѣ, какъ сказано въ Архангелогор. лѣтописцѣ, а въ Москвѣ. — Псковская первая, говоря о возвращеніи князей на Русь, прибавляетъ противъ другихъ нѣчто непонятное: «а княженія не взяху оба». Общій выводъ относительно хронологіи разсматриваемыхъ событій можно

вновь пожалованный ему Дмитровъ. Но опасаясь жить по близости съ великимъ княземъ, онъ вскорѣ ушелъ въ Галичъ, а Василій Васпльевичъ взялъ Дмитровъ за себя, выгнавъ изъ него Юриевыхъ намѣстниковъ³⁵³).

Ханское рѣшеніе спора между племянникомъ и дядей, конечно, не могло удовлетворить послѣдняго. Юрій, рано или поздно, разъ рѣшившись оспаривать права племянника, долженъ былъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, возобновить свои попытки занять великое княженіе. Обстоятельства сложились такъ, что галицкій князь возобновилъ эти попытки ранѣе, чѣмъ, можетъ быть, самъ желалъ того.

Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, благодаря которому дѣло Василія выиграно было въ ордѣ, надѣялся (какъ и самъ Василій обѣщалъ это, будучи, кажется, еще въ ордѣ), что за оказанныя имъ услуги онъ породнится съ великимъ княземъ: «о семъ слово бысъ съ великимъ княземъ». Князья часто рождались посредствомъ браковъ съ своими боярами, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Всеволожскій мечталъ о родственныхъ связяхъ съ великокняжескимъ семействомъ. Но мать великаго князя, Софья Витовтовна, а можетъ быть и самъ Василій, не желали этого брака: ихъ выборъ падалъ на дочь Ярослава Владиміровича, внуку Владиміра Андреевича Храбраго и Маріи Голтыевой. Василій, въ 1432 г., обручился съ Ярославной, а въ слѣдующемъ 1433 г. февраля 8-го сыграна была свадьба. Оскорбленный Всеволожскій въ томъ же году ушелъ къ дядѣ Василію, Константину Дмитріевичу въ Угличъ, отсюда — въ Тверь, а изъ Твери — въ Галичъ къ Юрію Дмитріевичу, котораго началъ подговаривать къ войнѣ съ Василіемъ. Къ этому присоединилась еще извѣстная исторія съ сыномъ Юрія Василіемъ Косымъ, съ котораго, на брачномъ торжествѣ великаго князя, Софья Витовтовна сорвала драгоценный поясъ, нѣкогда принадлежавшій великокняжескому семейству и нечистыми путями перешедшій въ семью Юрія Дмитріевича. Василій Косой съ братомъ Дмитріемъ Шемякой бѣжали изъ Москвы въ Галичъ, ограбивъ по пути Ярославль. Юрій уже готовъ былъ къ походу, когда его дѣти прибыли изъ Москвы. Великій князь узналъ о намѣреніяхъ дяди отъ своего ростовскаго намѣстника, Петра Константиновича, только тогда, когда Юрій съ дѣтьми и бояриномъ Всеволожскимъ былъ уже въ Переяславлѣ. При такихъ неожиданныхъ обстоя-

---

вывести только такой: поѣздка и возвращеніе князей совершились не въ одинъ годъ, а въ два; однѣ лѣтописи принимаютъ годъ мартовскій, а другія — сентябрьскій; нѣкоторыя изъ нихъ группируютъ факты, совершившіеся въ два года, подъ однимъ, къ которому относится начало ихъ, а другія — подъ другимъ годомъ, къ которому относится конецъ ихъ.

353) Ibid. V, 264; VI, 148; VIII, 97; Ник. V, 111.

тельствѣхъ Василій Васильевичъ, естественно, не успѣлъ приготовиться къ отпору врага, а потому послалъ къ Юрію пословъ съ предложеніемъ мира. Юрій, находившійся тогда у Троицкаго монастыря, не принялъ предложенія, главнымъ образомъ, благодаря Всеволожскому, который «не далъ о миру ни слова молвити», вслѣдствіе чего «бысь межи обоихъ боярь (т. е. Васильевыхъ и Юріевыхъ) брань велика и слова неподобныя», такъ что послы Василія возвратились въ Москву «бездѣльни», т. е. ничего не достигши³⁵⁴). Собравши, сколько можно было, ратныхъ людей и московскихъ жителей, Василій выступилъ на встрѣчу дяди. Въ апрѣлѣ 1433 г. дядя и племянникъ сошлись на берегу Клязьмы въ 20 верстахъ отъ Москвы. Нестройные полки Василія не выдержали боя, а отъ простыхъ жителей Москвы никакой помощи не было, «мнози бо отъ нихъ пьяни бяху, а и з собою медъ везяху, чтобъ пити еще». Прибѣжавъ въ Москву, Василій захватилъ съ собою мать и жену и поспѣшно уѣхалъ въ Тверь, а отсюда въ Кострому. Юрій послалъ дѣтей своихъ искать великаго князя, и тѣ сообщили отцу, гдѣ онъ находится. Тогда новый великій князь московскій вмѣстѣ съ своими дѣтьми самъ пошелъ къ Костромѣ и захватилъ тамъ племянника. Василій Васильевичъ съ плачемъ добилъ челомъ дядѣ своему, который, по представленію любимца своего, боярина Семена Морозова, не обращая вниманія на

---

354) Ibid. III, 111, 141; IV, 121, 208; V, 27—28, 264—266; VI, 148—149; VII, 225; VIII, 2, 97—99; Ник. V, 111—113. Что Василій еще въ ордѣ далъ слово Всеволожскому жениться на его дочери, на это въ лѣтописяхъ есть намеки: «о семъ (о женитьбѣ) слово бысь съ великимъ княземъ», сказано въ одной лѣтописи; а что слово это было въ ордѣ, на это есть другой намекъ въ лѣтописи: «и яко же бывшимъ имъ (Василію и Всеволожскому) на Москвѣ, и не возхотѣ сего князь великій Василей Васильевичъ и мати его Соєья Витоеговна». Лѣтописецъ какъ бы такъ хотѣлъ выразиться: Василій и Всеволожскій разсуждали о бракѣ перваго на дочери втораго (и рѣшили вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ); а когда прибыли въ Москву и т. д. «Яко же бывшимъ имъ на Москвѣ»... значитъ, «слово» было гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и гдѣ же, какъ не въ ордѣ? Эти указанія находятся въ Никоновской лѣт. Она же такъ передаетъ исторію съ поясомъ. Дѣти Юрія, Василій и Димитрій Шемяка, были на свадьбѣ великаго князя. Во время пира Петръ Константиновичъ (ростовскій намѣстникъ?) увидѣлъ на Василіи Юрьевичѣ и призналъ поясъ, перешедшій отъ Димитрія Константиновича къ Димитрію Донскому въ числѣ приданаго за Евдокіей, женой Донскаго, дочерью Димитрія суздальско-нижегородскаго. Во время свадьбы Донскаго этотъ поясъ былъ подиѣненъ тысящикомъ Василіемъ Всемяиновичемъ, который отдалъ его сыну свосму Николаю, женившемуся на дочери того же Димитрія Константиновича, Маріи. Николай отдалъ этотъ поясъ въ приданое дочери своей, вышедшей за Ивана Димитріевича Всеволожскаго, а этотъ послѣдній отдалъ его, вмѣстѣ съ рукой своей дочери, кн. Андрею Владиміровичу радонешскому. По смерти Андрея, Иванъ Димитріевичъ, отдавая дочь его, а свою внуку, за Василія Юрьевича Косаго, далъ за ней въ приданое, между прочимъ, и этотъ поясъ. — По Соф. второй, «на той же свадьбѣ Захарья Ивановичъ Кошкинъ (предокъ Романовыхъ, нынѣ царствующаго дома) имался за поясъ у князя Василья у Косаго», а Архангел. лѣтопись (стр. 138) къ этому добавляетъ: «а ручи: тотъ поясъ пропалъ у меня, коли крали казну мою».

сильный ропоть Всеволожскаго и другихъ бояръ, далъ племяннику въ удѣль Коломну, куда, послѣ прощальнаго пира, богато одаривъ, и отпустилъ его со всеми его боярами. Василій, прибывъ въ Коломну, началъ созывать къ себѣ московскихъ людей. Князя, бояре, воеводы, *дворяне* и слуги «отъ мала и до велика» начали отходить отъ Юрія къ его племяннику, «понеже не любо имъ бысть всемъ на любовника княже — Юрьева, на Семена Морозова». Дѣти Юрія, Василій Косой и Дмитрій Шемяка, видя, что отъ отца ихъ все уходитъ, и считая виновникомъ такого оборота дѣлъ боярина Морозова, не постѣснились убить послѣдняго въ самомъ дворцѣ великокняжескомъ, въ набережныхъ сѣняхъ, и бѣжали въ Кострому. Юрій же, видя непрочность своего положенія въ Москвѣ, приглашалъ Василю на великокняжескій столъ, говоря, что самъ онъ уйдетъ въ Звенигородъ. Пришедши въ Москву, Василій взялъ миръ съ дядей. По мирному договору Юрій обзывается за себя и за младшаго сына своего, Дмитрія Краснаго, не принимать къ себѣ и не дружить съ двумя старшими сыновьями, не помогать имъ, возвратитъ Василю не только великое княжество во всей цѣлости, но и г. Дмитровъ съ ханскими на него ярлыками, вмѣсто котораго получалъ Бѣжецкій Верхъ, — а также возвратитъ все пограбленное и всехъ плѣнныхъ, что было пограблено и взято въ плѣнъ во время послѣднихъ усобицъ. На сторонѣ Василя въ этомъ договорѣ стояли: Константинъ Димитріевичъ, Иванъ и Михаилъ Андреевичи можайскіе и Василій Ярославичъ боровскій. Послѣ того Юрій ушелъ въ Звенигородъ, а отсюда — въ Галичъ. Иванъ Всеволожскій, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ схваченъ, по приказанію Василя Васильевича, и казненъ, а села его взяты въ великокняжескую казну³⁵⁵). Василю Васильевичу теперь можно было направить силы въ одну сторону, на Юрьевичей, такъ какъ съ другими князьями, Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами можайскими и Василюемъ Ярославичемъ боровскимъ, онъ находился въ мирѣ. Не теряя времени, великій князь въ томъ же **1433 г.** послалъ воеводу своего, кн. Юрія Патрикѣевича, и дворъ свой къ Костромѣ на дѣтей Юрія, которыя засѣли тамъ съ вятчанами и галичанами. Вой произошло на берегахъ р. Куси; войска великаго князя были побиты, а воевода взятъ въ плѣнъ. Здѣсь оказалось, что Юрій Димитріевичъ нарушилъ договоръ, такъ какъ въ этой битвѣ участвовали и его полки. Василій Васильевичъ, желая наказать дядю за вѣроломство, съ сильной ратью подступилъ къ Галичу и сожегъ его, а людей увелъ съ собой. Юрій бѣжалъ на Бѣлоозеро, а по уходѣ Василя опять прибылъ въ Галичъ, куда звалъ и

355) Ibid. IV, 207; V, 27, 265; VI, 148—149; VIII, 97—98; Ник. V, 113—115; С. г. г. и д. №№ 49—50; «Ист. Р.» Соловьева V, 56—57, пр. 60. По нѣкоторымъ изъ указанныхъ лѣтописей Василій выступилъ изъ Москвы и направился къ Клязьмѣ 25-го апрѣля.

дѣтей своихъ съ вятчанами, готовясь идти на племянника. Весной **1434 г.** (въ Лазареву субботу) враги встрѣтились въ Ростовской области. Войска Василя опять были разбиты; самъ онъ бѣжалъ въ Новгородъ, куда прибылъ, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, 1-го апрѣля и принять былъ съ подобающею честію, а помогавшій ему кн. Иванъ Андреевичъ можайскій вмѣстѣ съ матерью своей бѣжалъ къ тверскому князю, за которымъ была сестра его Анастасія. Изъ Новгорода Василій Васильевичъ посылалъ своего боярина Андрея Ѳедоровича Голтяева въ Тверь къ кн. Ивану можайскому, прося его не отступать отъ него. «Господинъ государь, уклончиво отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ: где ни буду, а везде есмь твой человекъ; но чтобъ и нынѣ вотчины не потерять, да matka бы не скиталася по чужей отчинѣ, а всегда есмь твой». Но князь можайскій видѣлъ хорошо, на которой сторонѣ перевѣсъ, и, соблюдая свои личныя интересы, ушелъ къ Троицкому монастырю и присталъ здѣсь къ Юрію Дмитріевичу. Отсюда союзники пошли къ Москвѣ. Въ среду на Свѣтлой недѣлѣ (31-го марта; Пасха была 28-го марта) Юрій, безъ труда занявши Москву, овладѣлъ великокняжеской казной, плѣнилъ великихъ княгинь и отправилъ ихъ въ Звенигородъ. Между тѣмъ Василій Васильевичъ изъ В. Новгорода ушелъ черезъ Мологу и Кострому въ Новгородъ Нижній (по другимъ извѣстіямъ — въ Тверь), Юрій Дмитріевичъ послалъ на него въ Нижній-Новгородъ дѣтей своихъ двухъ Дмитріевъ, и великій князь, не видя возможности устоять противъ братьевъ, хотѣлъ уже бѣжать въ орду, какъ неожиданное обстоятельство остановило его. Будучи уже, по пути къ Нижнему, во Владимірѣ, Шемяка и Красный получили извѣстіе о внезапной кончинѣ отца своего. Старшій братъ ихъ, Василій Косой, извѣщая о смерти отца, извѣщалъ ихъ и о своемъ здоровьѣ и о занятіи имъ великокняжескаго стола. «Если Богъ не восхотѣлъ, чтобы княжилъ отецъ нашъ, то тебя мы и сами не хотимъ», отвѣчали братья и пригласили изъ Нижняго-Новгорода Василя Васильевича на великокняжескій столъ. Князя, примирившись, всѣ трое пошли къ Москвѣ; Василій Косой, покняживши одинъ мѣсяць, бѣжалъ черезъ Ржеву въ Новгородъ, а отсюда—въ Кострому, разграбивъ по пути Бѣжецкій Верхъ и Заволочье. Такимъ образомъ Василій Васильевичъ опять занялъ великокняжескій столъ, давши Шемякѣ удѣлъ умершаго дяди своего Константина Дмитріевича, Угличъ и Ржеву, а брату его — Бѣжецкій Верхъ; но, попрежнему, онъ удержалъ за собой Дмитровъ и удѣлъ Косаго, Звенигородъ; кромѣ того Шемяка обязался не вступаться въ Вятку. Но старшій Юрьевичъ не хотѣлъ уступать Василю: въ слѣдующемъ **1435 г.** онъ двинулся изъ Костромы на великаго князя съ большими силами; января 6-го противники встрѣтились между Ростовомъ и Ярославлемъ, у Космы и Да-

миана, на р. Которосли. Въ жестокой битвѣ Косой былъ побитъ и бѣжалъ въ Кашинь, откуда, собравшись съ силами, пошелъ на заставу (гарнизонъ) великаго князя къ Вологдѣ, гдѣ плѣнилъ Васильевыхъ воеводъ, Ѳедора Михайловича Челядню, Андрея Ѳедоровича Голтяева и др., а также многихъ «дворянъ великаго князя». Пришедши отъ Вологды въ Кострому, онъ призвалъ къ себѣ вятчанъ, очевидно, намѣриваясь опять идти на великаго князя, или ожидая нападенія со стороны послѣдняго. Великій князь, дѣйствительно, пошелъ къ Костромѣ и остановился въ углу, образуемомъ лѣвымъ берегомъ Волги и правымъ — р. Костромы, которая, такимъ образомъ, раздѣляла враговъ и не допускала ихъ до битвы. Они заключили миръ, по которому великій князь далъ Василью Юрьевичу Дмитровъ; Косой призналъ Василя Васильевича старѣйшимъ братомъ, обязался не брать великаго княженія, хотя бы его давали ему татары, — возвратитъ великокняжескую казну, взятую имъ при выѣздѣ изъ Москвы, и казну Константина Дмитріевича; наконецъ, обязался не принимать къ себѣ тѣхъ гостей-суконниковъ, которые поднимали крамолу на великаго князя и мать его и ушли, во время ихъ распрей, изъ Москвы въ Тверь³⁵⁶).

Но пока оставимъ Василя Косаго и обратимся къ Новгороду и Пскову и посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ былъ къ нимъ Василій Васильевичъ.

356) По Софійской первой Юрій Дмитріевичъ, плѣнивши въ Москвѣ великихъ княгинь, отправилъ ихъ не въ Звенигородъ, а въ Рузу. Арцыбашевъ (II, 184), ссылаясь на «Лѣтоп., соерж. Росс. исторію отъ $\frac{6714}{1206}$ до $\frac{7042}{1534}$ . . . .» М. 1784, говоритъ, что Борисъ

Александровичъ тверскій далъ Косому лошадей, платье и доспѣхи, что Косой собралъ 300 человекъ дружины и пр. Дѣйствительно, въ указанномъ лѣтописцѣ говорится, что Василью Юрьевичу въ Кашинь Борисъ «присла . . . кони и порты и доспѣхъ, и собрася къ нему дружины его триста человекъ». Насколько достовѣрно это извѣстіе, судить трудно, такъ какъ другія лѣтописи ничего подобнаго не передаютъ. — О событіяхъ этого времени см. П. С. Р. Л. III, 111, 141; IV, 121, 208—209; V, 27—28, 265—266; VI, 149 и сл.; VIII, 98—99; Ник. V, 115—119; С. г. г. и д. №№ 45—46, 52—55; Акты Арх. Эксп. I, № 29. По Соф. первой, послѣ того, какъ великій князь сожегъ Галичь и отправился въ обратный путь къ Москвѣ, на него пошелъ, въ свою очередь, Юрій и разбилъ его у Переяславля. Это, конечно, не противорѣчитъ другимъ лѣтописямъ, по которымъ Василій разбилъ «за Ростовомъ», «у Никола на горѣ», такъ какъ Юрій, двигаясь съ сѣвера на югъ и переваливши за Ростовъ, естественно, долженъ былъ находиться не подалеку отъ Переяславля, лежащаго къ югу отъ Ростова. Послѣ этой битвы Василій, по однимъ извѣстіямъ, удаляется въ В. Новгородъ, а отсюда чрезъ Мологу и Кострому — въ Нижній-Новгородъ; а по 1-й и 2-ой Псковскимъ — не въ Нижній, а въ Тверь, откуда, примирившись съ братьями, отправляется въ Москву. Псковская 1-я и отчасти 2-я, вообще, разнятся въ извѣстіяхъ 1434—1435 гг. отъ другихъ лѣтописей. Между прочимъ, по Псковской 1-ой, Василій Косой, просидѣвши въ Новгородѣ на Городцѣ, «поѣха на Заволочье и оттолѣ взя миръ съ великимъ княземъ, чего нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ.—Въ Соф. второй о пребываніи Косаго въ Кашинь сказано: «и копився въ Кашинь», или, какъ въ одномъ хронографѣ XVI в. (А. Поповъ: «Изборникъ . . .», стр. 78), «окопися», т. е. скопился, собрался съ силами, — а въ лѣтописи Львова (II, 275) сказано «окопался».

Кажется, борьба съ галицкими князьми заставляла великаго князя дѣлаться болѣе уступчивымъ, по крайней мѣрѣ—на словахъ, по отношенію къ Новгороду, чѣмъ его предшественники. Такъ, зимой **1435** года Василій Васильевичъ и представители Новгорода дѣловали крестъ на томъ, что великій князь отступаетъ отъ Бѣжецкаго Верха, отъ волостей на Ламскомъ Волокѣ и на Вологдѣ, а новгородцы отступаются отъ княжчинъ, гдѣ бы онѣ ни были. При этомъ условленно было выслать съ обѣихъ сторонъ, въ Петровъ день, бояръ «на разводъ земли». Но великій князь въ условленное время бояръ не выслалъ, «ни отчины новгородскіи нигдѣ же не отведе новгородцемъ, ни исправы не учини»³⁵⁷). Что касается Пскова, то сношенія его съ великимъ княземъ, за разсматриваемое время, были только по поводу просьбъ псковичей о назначеніи къ нимъ князя. Въ **1434** г. изъ Пскова выѣхалъ кн. Александръ Ѳедоровичъ ростовскій. Въ томъ же году въ Псковъ прибылъ изъ Литвы зять его, кн. Владиміръ Даниловичъ. Черезъ два года, т. е. въ **1436** г., осенью туда же явился изъ Риги литовскій подручный князь Иванъ Баба, кажется, въ надеждѣ остаться тамъ. Но проживши здѣсь до половины зимы, онъ уѣхалъ къ великому князю на службу. Зимой того же года въ Псковъ пріѣхалъ кн. Борисъ Васильевичъ, сынъ кн. Василя Семеновича Шуйскаго, и сказалъ, что онъ пріѣхалъ намѣстникомъ отъ великаго князя (которому приходился троюроднымъ братомъ), такъ что Владиміръ Даниловичъ долженъ былъ уступить ему княжескій дворъ. Но, какъ видно, онъ почему-то не нравился псковичамъ, такъ какъ послѣдніе въ томъ же году отправили къ великому князю посольство съ просьбой дать имъ въ князя Владимира Даниловича. Просьба эта была удовлетворена, и князь Борисъ долженъ былъ выѣхать изъ Пскова, «занеже онъ пролгался». Не обманывалъ ли онъ псковичей, говоря, что пріѣхалъ отъ великаго князя? или, можетъ быть, онъ пролгался относительно Пскова, представляя псковскія дѣла великому князю въ ложномъ свѣтѣ, о чемъ послѣдній могъ узнать отъ пословъ³⁵⁸)?...

Выше мы сказали, что по миру, заключенному великимъ княземъ съ Василюемъ Косымъ на берегахъ Костромы, послѣдній получилъ г. Дмитровъ, куда и отправился. Это было въ **1435** г., въ началѣ вѣсны. Пробывши въ Дмитровѣ мѣсяць, Юрьевичъ, уже въ слѣдующемъ **1436** г., пошелъ въ Кострому, а великому князю послалъ «розметныя» грамоты (грамоты о разорваніи мира). Пробывши въ Костромѣ до того времени, какъ установился зимній путь, Косой пошелъ въ Галичъ, а отсюда въ Устюгъ, который, послѣ 9-недѣльной стоянки подъ нимъ, взялъ, тамошняго великокняжескаго воеводу,

357) П. С. Р. Л. III, 112; Карамз. V, 157, пр. 233.

358) Ibid. IV, 207—208, 210; V, 27—29; VIII, 99.

кн. Глѣба Ивановича Оболенскаго, и десятильника ростовскаго владыки повѣсилъ, многихъ устюжанъ перебилъ и перевѣшалъ. Между тѣмъ братъ его Дмитрій Шемяка, собираясь жениться, приѣхалъ въ Москву звать великаго князя на свою свадьбу. Великій князь, подозрѣвавшій Шемяку, — и, какъ показываютъ послѣдующія событія, не совсѣмъ безосновательно, — въ соучастіи съ Косымъ, приказалъ схватить его и отправить въ Коломну. Что же касается Косаго, то онъ весной пошелъ отъ Устюга на великаго князя; съ нимъ были вятчане и дворъ Шемяки. Великій князь и шедшіе съ нимъ князья: меньшей изъ Юрьевичей, Дмитрій Красный, кн. Иванъ Андреевичъ можайскій и недавно прибывшій изъ Пскова въ Москву кн. друцкій Иванъ Баба, встрѣтили Василя Косаго въ Ростовской области у св. Покрова на Скорятинѣ. Косой, желая «искрасти» великаго князя, употребилъ хитрость: онъ просилъ перемирія до утра слѣдующаго дня; великій князь согласился и, пользуясь этимъ временемъ, распустилъ свои полки по окрестностямъ, говоря современнымъ языкомъ, на фуражировку. Этимъ-то обстоятельствомъ и воспользовался Косой: онъ двинулъ свои полки на великаго князя, котораго успѣли, впрочемъ, извѣстить объ этомъ. Василій Васильевичъ разослалъ гонцовъ по всѣмъ своимъ станамъ, а самъ схватилъ трубу и началъ давать сигналы къ сбору. Полки его собрались и выступили на встрѣчу непріятелю: войска Косаго были разбиты и обращены въ бѣгство; одинъ изъ московскихъ воиновъ, преслѣдовавшихъ непріятеля, узналъ Косаго, нагналъ его и началъ кричать о подмогѣ; на этотъ крикъ прискакалъ кн. Иванъ Баба, и Косой былъ взятъ живымъ; его привели къ великому князю, который отправилъ его въ Москву, гдѣ онъ вскорѣ былъ ослѣпленъ. По прибытіи въ Москву, Василій Васильевичъ позвалъ къ себѣ Шемяку, которому, во время похода на Косаго, дозволено было свободно, но безвыѣздно и подъ присмотромъ, жить въ Коломнѣ. Великій князь теперь «пожаловалъ его», отпустилъ его въ отчину его, заключивъ съ нимъ новый договоръ, не отличающійся, впрочемъ, ничѣмъ отъ прежняго съ нимъ договора³⁵⁹).

Вражда между двоюродными братьями на время прекратилась. Мы сейчасъ увидимъ даже, что Василій Васильевичъ употребляетъ Шемяку на ратныя дѣла.

359) Ibid. III, 112; IV, 121, 210; V, 29 (подъ 1437 г.), 266—267; VI, 150; VIII, 99—100; Ник. V, 120—121; С. г. г. и д. №№ 56—57; Акты Ист. I, № 40. Поводомъ къ ослѣпленію Василя Юрьевича Архангелог. лѣтоп. (стр. 147) выставлено слѣдующее обстоятельство: когда Василій Юрьевичъ былъ совершенно разбитъ, то вятчане, шедшіе къ нему на помощь, воротились назадъ и по дорогѣ схватили кн. ярославскаго Александра Федоровича Брюхатаго вмѣстѣ съ женой его, съ котораго хотя и взяли окупъ, но не отпустили его по условію, а увезли съ собой. Это-то обстоятельство, будь-то бы, и было причиной ослѣпленія Юрьевича (21-го мая — по тому же лѣтописцу).

Съ 1428 г., когда татары нападали на Галицкую область (взяли Кострому, Плесъ и Лухъ), до 1437 г. включительно ордынцы не безидокопни московскихъ владѣній. Но въ 1438 г. великій князь самъ безтактно поступилъ съ выгнаннымъ изъ орды ханомъ и тѣмъ навлекъ на себя много бѣдствій. Осенью помянутаго года ханъ Улу-Махметъ, изгнанный изъ орды братомъ своимъ Кичи-Махметомъ, пришелъ къ русской границѣ и засѣлъ въ г. Бѣлевѣ. Василій Васильевичъ послалъ на него свои полки подъ предводительствомъ Юрьевичей, Шемяки и Краснаго. По пути къ Бѣлеву ратные люди вели себя, какъ разбойники: грабили своихъ же, мучили людей, добываясь отъ нихъ пожитковъ, убивали скотъ и отправляли домой «и неподобная и скверная дѣяху». Улу-Махметъ, при сравнительной малочисленности у него людей, не осмѣлился выступить противъ многочисленной московской рати; онъ отдавался на волю русскихъ князей, — но тѣ не приняли его предложенія и на слѣдующій день пошли къ городу, около котораго и произошелъ бой. Татары не выдержали боя и обратились въ бѣгство; рускіе преслѣдовали ихъ до самаго города, а двое удалцовъ, кн. Петръ Кузминскій и какой-то Семень Вольнецъ, увлеклись даже за татарами до половины города, но за это удалство заплатились головами. На другой день послѣ этого боя ханъ выслалъ къ русскимъ князьямъ зятя своего и съ нимъ нѣсколько татарскихъ князей, чрезъ которыхъ предлагалъ сына своего Мамутека, а князя — своихъ дѣтей въ заложники и притомъ съ обѣщаніемъ, что, въ случаѣ занятія имъ ханскаго престола, онъ будетъ оберегать Русскую землю и, пока будетъ живъ, не будетъ присылать на Русь ни за выходомъ, ни за чѣмъ-либо инымъ. Василій Ивановичъ Собакинъ и Андрей Ѳедоровичъ Голтяевъ, высланные для переговоровъ, не согласились и на эти предложенія; тогда татарскіе князья сказали русскимъ воеводамъ: «Если не хотите этого, то посмотрите назадъ!» Тѣ обернулись и увидѣли москвичей въ безпорядочномъ бѣгствѣ. Дѣло въ томъ, что литовскій князь послалъ на помощь русскимъ мценскаго воеводу Григорія Протасьева, который, предавшись Улу-Махмету, совѣтовалъ русскимъ пока не вступать въ бой съ ханомъ, обѣщаясь быть съ ними за-одно, а самъ, между тѣмъ, послалъ сказать Улу-Махмету, чтобы онъ напалъ на русскіе полки. Татары разбили русскихъ и обратили въ бѣгство: много пало людей, пали, между прочимъ: кн. Ѳедоръ Тарусскій, князь Андрей Стародубскій, Иванъ Кузминскій и др. Этотъ бой происходилъ 5-го декабря³⁶⁰).

360) Ibid. V, 267; VI, 150; VIII, 107 (подъ 1438 г.); Ник. V, 125—126; Арханг. лѣт. подъ 1437 г. Въ послѣдней говорится объ измѣнѣ Протасьева и о томъ, что Улу-Махметъ, остановившись у р. Бѣлевы (у теперешняго Бѣлева Тульской губ. на лѣвомъ горномъ бе-

Не смотря на эту побѣду, одержанную исключительно благодаря измѣнѣ Протасьева, Махметъ, конечно, не могъ считать себя безопаснымъ на русской границѣ, а потому черезъ Мордовскую землю ушелъ къ берегамъ

регу Оки), построилъ городъ и обвелъ его стѣнами изъ толстыхъ кусковъ льда. Отсюда онъ предпринималъ набѣги на сосѣднія земли для добыванія жизненныхъ продуктовъ, почему Василій Васильевичъ и требовалъ, чтобы онъ удалился изъ русскихъ предѣловъ. За этимъ требованіемъ посланы были и войска. — Такъ называемый «Казанскій лѣтописецъ» (Рукоп. Имп. П. Библи. № 1485; изданъ былъ Академіей Наукъ въ 1791 г. подъ заглавіемъ: «Исторія о Казанскомъ царствѣ» и пр.) приписываетъ Улу-Махмету основаніе Казани и относитъ это къ тому времени, когда ханъ, послѣ побѣды подъ Бѣлевымъ, перешелъ Волгу, т. е. къ 1438 г. Но ни одна изъ лѣтописей, подробно передавая свѣдѣнія объ Улу-Махметѣ послѣ Бѣлевскаго боя, ничего не передаетъ о Казани, не говоритъ не только объ основаніи ея Улу-Махметомъ, но и о томъ, чтобы онъ подходилъ когда-нибудь къ ней. Напротивъ, лѣтописи указываютъ на окрестности Нижняго-Новгорода, откуда ханъ дѣлалъ набѣги на Москву и Муромъ. Одна изъ лѣтописей («Царств. лѣтописецъ», Спб. 1772, стр. 266) даже прямо говоритъ, что «пзъ Бѣлева поиде царь къ Новугороду къ нижнему и засяде Новъгородъ нижній старый»... Далѣе тотъ же лѣтописецъ передаетъ, что ханъ изъ Нижняго пошелъ къ Мурому, что великій князь, узнавши объ этомъ, отпраздновалъ Крещенье во Владимірѣ и вскорѣ пошелъ къ Мурому, каковое обстоятельство заставило бѣжать Улу-Махмета опять въ Нижній (Ср. Татищ. IV, 557). Въ Воскр. лѣтописи подъ 1445 г. говорится: «Тое же осени царь Мамогитъ, Улу-Махметевъ сынъ, взялъ городъ Казань, вотчина (?) Казанскаго князя Либея убилъ, а самъ сѣлъ въ Казани царствовати». То же находимъ и въ «Русскомъ Временникѣ». Кромѣ Казанскаго лѣтописца, наши лѣтописи нигдѣ не называютъ Улу-Махмета царемъ казанскимъ, а его татаръ — казанскими; напротивъ, Мамутека и его татаръ называютъ казанскими (см., напр., П. С. Р. Л. VIII, 121; Ник. V, 288; Архангел. лѣт. подъ 1446 г.). Такимъ образомъ, основателемъ Казанскаго царства скорѣе можно считать, вопреки Казанскому лѣтописцу, не Улу-Махмета, а сына его Мамутека. Къ тому же выводу приходитъ извѣстный нашъ ориенталистъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ (см. его «Исслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царицахъ», I, 5 и слѣд.). Казанскому лѣтописцу въ данномъ вопросѣ трудно отдавать предпочтеніе предъ другими лѣтописями, такъ какъ онъ самъ сознается, что не могъ добиться свѣдѣній о времени основанія Казани: «о первомъ же началѣ царства Казанскаго, въ кое время или како зачаса, не обрѣтохъ въ лѣтописяхъ русскихъ, не мало въ казанскихъ людехъ видахъ, много же и речію пытахъ отъ искуснѣйшихъ казанскихъ людей и отъ русскихъ сыновъ, и глаголаше ми тако, инии же инако, и не единъ же вѣдаетъ истинны...» И такъ, Мамутекъ въ 1445 г. сѣлъ въ Казани, убивъ тамошняго владѣтеля, князя Либея. Но кто былъ этотъ Либей? Въ концѣ XIV в., когда Тимуръ, одолѣвъ Тохтамышя, провозгласилъ ханомъ Золотой Орды Урусова сына Карача-Аглема, Волжской Болгаріей правилъ Абд-Уллахъ-ханъ, который, пользуясь замѣшательствами въ ордѣ, объявилъ себя независимымъ владѣтелемъ. Новый ханъ послалъ Тимура смирить непокорнаго; болгары были разбиты; они заперлись въ своемъ городѣ. Война продолжалась семь лѣтъ и кончилась тѣмъ, что городъ Болгары былъ взятъ и разрушенъ, Абд-Уллахъ былъ убитъ, убито много и другихъ князей; жены ихъ отданы были въ рабство, а малолѣтнія дѣти Абд-Уллаха, Алимъ-Бекъ и Алтунъ-Бекъ (9 и 7 лѣтъ) приверженцами хана уведены были въ лѣсъ, гдѣ со временемъ возмужали. Въ 1402 г., по словамъ Фергентъ-Намега, они призваны были въ Болгарію, которая отложила тогда отъ орды. Казань тогда была совершенно опустошена набѣгами русскихъ. Младшій братъ, пришедши въ Болгарію, отдѣлился отъ брата и ушелъ къ берегамъ Тобола, гдѣ и основалъ г. Тобольскъ, а старшій, Алимъ-Бекъ, на мѣстѣ старой Казани основалъ новую (см. «Казанскую Исторію» Н. Бажанова, Казань 1847; см. также П. Наумова: «Объ отношеніяхъ рос. князей къ монг. и татар. ханамъ отъ 1224 по 1480 г.». Спб. 1823). Не этого ли Алимъ-Бека Воскр. лѣтопись называетъ Либеємъ?

Волги и остановился у Нижняго-Новгорода. Отсюда-то, въ **1439 г.**, онъ устрѣмился на Москву. Великій князь не успѣлъ собрать полковъ, а потому ушелъ за Волгу, оставивъ въ Москвѣ кн. Юрія Патрикѣевича. Юля 3-го Махметъ подошелъ къ Москвѣ, стоялъ здѣсь десять дней, пожегъ посадъ, но города не могъ взять. Надѣлавши подъ Москвой много зла, онъ пошелъ домой и по пути сжегъ Коломну ³⁶¹).

Теперь, пока Шемяка не предпринималъ ничего противъ Москвы, а татары ушли во-свояси, великій князь опять обратился къ Новгороду. Мы видѣли, что въ **1435 г.** Василій Васильевичъ заключилъ съ Новгородомъ договоръ, по которому отступался отъ захваченныхъ его предшественниками новгородскихъ волостей, а новгородцы отказывались отъ княжчинъ. Но великій князь былъ уступчивъ, кажется, потому, что, находясь въ распрѣ съ Юрьевичами, не могъ направить силъ своихъ исключительно въ одну сторону. Что дѣйствительно уступчивымъ его заставила быть нужда, видно изъ того, что, по минованіи опасности, угрожавшей со стороны Юрьевичей, онъ не думалъ исполнить договора. Не смотря, однако, на это, до ссоры дѣло не дошло. Въ **1437 г.** великій князь посылалъ даже въ Новгородъ кн. Юрія Патрикѣевича, и новгородцы не оказали ему никакого противодѣйствія ³⁶²). Года четыре спустя послѣ того (въ **1441 г.**, зимой), безъ всякой видимой причины, Василій Васильевичъ «възверже нелюбовь на Великій Новгородъ»: прислалъ къ новгородцамъ складную грамоту и двинулся съ ратью на Новгородскую землю. Изъ Торжка онъ послалъ поднимать и псковичей на Новгородъ. Псковичи не противорѣчили: сложили къ Новгороду крестное цѣлованіе и начали пустошить Новгородскую землю отъ литовскаго рубежа до нѣмецкаго на 300 верстъ въ длину и на 50 въ ширину, «и пакости сотвориша не мало», по выраженію новгородскаго лѣтописца. Въ этомъ походѣ участвовали и тверскія рати подъ начальствомъ двухъ воеводъ, Александра Романовича и Карпа Ѳедоровича. Новгородцы въ свою очередь вмѣстѣ съ заволочанами пустошили земли великаго князя. Но не подъ силу было новгородцамъ бороться съ сильнымъ московскимъ княземъ: подъ г. Демонъ, гдѣ стоялъ Василій Васильевичъ, они послали пословъ,—владыку Евѳимія, посадниковъ и бояръ,—и купили миръ за 8 тысячъ рублей съ обязательствомъ давать оброки и пошрины по старинѣ. Великій князь заключалъ договоръ какъ отъ себя, такъ и отъ псковичей. Новгородцы твердо держали миръ и не поддавались искушеніямъ. Такъ,

361) П. С. Р. Л. VI, 169; VIII, 107; Ник. V, 125, 136; Карамз. V, 159 и соотвѣтств. прим.; «Ист. Р.» Соловьева IV, 64. См. предъидущее прим.

362) Ibid. III, 112; IV, 122; Ник. V, 123; Ак. Арх. Эксп. I, № 32.

въ 1445 г. Казиміръ склонялъ ихъ отложиться отъ великаго князя на его сторону, но тѣ не согласились³⁶³).

Въ слѣдующемъ 1442 г., не извѣстно по какимъ причинамъ, Василій Васильевичъ «взверже нелюбіе» на Шемяку и пошелъ на него къ Угличу; Шемяка бѣжалъ въ Бѣжецкій Верхъ «и много волостямъ пакости сотвори». Отсюда онъ послалъ предложеніе новгородцамъ принять его на всей волѣ ихъ. «Хочешь, князь, — пріѣзжай къ намъ», отвѣчали новгородцы: «а не хочешь, — какъ тебѣ угодно». Вѣроятно, такой отвѣтъ не совсѣмъ понравился Шемякѣ, такъ какъ онъ не пошелъ въ Новгородъ. Набравши около себя разнаго сброду, онъ пошелъ къ Москвѣ на великаго князя. Съ нимъ былъ литовскій князь Александръ Чарторыйскій, недавно убившій, совмѣстно съ братомъ своимъ Иваномъ, в. кн. литовскаго Сигизмунда. На этотъ разъ враговъ успѣлъ примирить троицкій игумень Зиновій³⁶⁴). Только что упомянутый кн. Чарторыйскій какимъ-то образомъ вошелъ въ довѣріе великаго князя, который, въ недѣлю сыропустную 1443 г. (Пасха была 21-го апрѣля), отправилъ его своимъ намѣстникомъ во Псковъ. Мѣсяцевъ черезъ пять (25-го августа) во Псковъ прибыли отъ Василія послы и «поручили» Псковское княженіе Чарторыйскому, который по этому случаю цѣловаль крестъ какъ къ великому князю, такъ и ко Пскову³⁶⁵).

Съ того же 1443 г. великому князю поперебѣнно приходится сталкиваться то съ татарами, то съ литвой. Зимой названнаго года въ Рязанскую землю ворвались татары съ царевичемъ Мустафой. Забравши большой полонъ, Мустафа ушелъ въ степь и тамъ продавалъ плѣнныхъ тѣмъ же рязанцамъ. Зима этого года была снѣжная, холодная, съ вихрями, — такъ что въ открытомъ полѣ Мустафѣ трудно было держаться, почему онъ постарался примириться съ рязанцами и перешелъ въ Рязань на зимовку. Узнавши объ этомъ, великій князь послалъ на татаръ сильную рать подъ воеводствомъ кн. Василя Оболенскаго и Андрея Ѳедоровича Голтяева. Съ этими воеводами шла и мордва на лыжахъ, потомъ къ нимъ пристали *рязанскіе казаки* и толпы плѣшихъ ратныхъ людей, также на лыжахъ, съ сульдами, рогатинами, саблями, топорами и даже ослопами (дубинами). Рязанцы, между тѣмъ, постарались удалить Мустафу изъ города. Великокняжеская рать встрѣтилась съ татарами на р. Листани, и тутъ произошелъ

363) Ibid. III, 113, 141; IV, 123, 211; V, 29 — 30, 267; VI, 170; VIII, 111; XV, 491 (подъ 1440 г.); Ник. V, 153; Акты Ист. I, № 258.

364) Ibid. III, 113; V, 267; VI, 170; VIII, 111; Ник. V, 157 (говоритъ о томъ, что Шемяка просился въ Новгородъ послѣ примиренія съ великимъ княземъ и мотивируетъ эту просьбу тѣмъ, что онъ боялся Василя Васильевича); Dlugosz, кн. XI.

365) Ibid. IV, 212; V, 30.

отчаянный бой. Татары не могли дѣйствовать обледенѣвшими луками, но тѣмъ не менѣ живыми въ руки врага не давались и отчаянно рѣзались съ русскими. Однако, послѣдніе взяли верхъ: много татаръ побито, много взято въ плѣнъ; въ числѣ убитыхъ былъ и царевичъ Мустафа ³⁶⁶).

Года черезъ два (въ 1445 г. послѣ Крещенья) Махметъ изъ Нижняго-Новгорода (старого) ходилъ къ Мурому, гдѣ находился самъ великій князь, съ которымъ были: Шемяка, Иванъ и Михаилъ Андреевичи Можайско-верейскіе и Василій Ярославичъ боровскій. Одна изъ лѣтописей замѣчаетъ, что тогда били татаръ по селамъ, а другая говоритъ, что противъ Махмета выступилъ великій князь, и тотъ «возвратися бѣгомъ въ Новгородъ старой»; наконецъ, третья лѣтопись говоритъ, что воеводы великаго князя, который и самъ выходилъ противъ хана, преслѣдовали татаръ и побили ихъ подъ Муромомъ, у Гороховца и въ старомъ Нижнемъ-Новгородѣ, куда бѣжалъ Махметъ ³⁶⁷). Какъ бы то ни было, татарамъ данъ былъ надлежащій отпоръ. Великій князь, надобно полагать, находился въ серьезномъ затрудненіи, такъ какъ со стороны татаръ онъ постоянно долженъ былъ ожидать набѣговъ, на что указываетъ его пребываніе то въ Муромѣ, то во Владимірѣ. Эти затрудненія усиливались еще тѣмъ, что въ томъ же 1445 г. противъ него начинаетъ враждебно дѣйствовать Литва. Литовскій князь, какъ мы уже упоминали объ этомъ выше, старается, хотя и безуспѣшно, склонить Новгородъ на свою сторону ³⁶⁸). Какъ бы въ отвѣтъ на это, великій князь послалъ двухъ царевичей на литовскіе города: Вязьму, Брянскъ и др.; съ огнемъ и мечемъ прошли эти царевичи едва не до самаго Смоленска и возвратились съ большимъ полонемъ. Литва не хотѣла оставаться въ долгу: в. кн. литовскій послалъ свои войска къ Можайску; въ числѣ 7000 человекъ литовцы подходили къ Козельску и Калугѣ, но ничего не могли сдѣлать этимъ городамъ и ушли къ Суходрову. Жители Можайска въ количествѣ 100 человекъ съ воеводой своимъ, кн. суздальскимъ Андреемъ Васильевичемъ Лугвицей, вышли противъ литовцевъ; столько же собралось и жителей Вереи; наконецъ, 60 человекъ вышло изъ Боровска. Князья названныхъ городовъ, Иванъ и Андрей Михайловичи и Василій Ярославичъ, какъ мы видѣли, помогали въ то время великому князю противъ Улу-Махмета. Незначительныя русскія силы встрѣтились съ литовцами у Суходрова,

366) Ibid. VIII, 111; Ник. V, 192—193. Мордва и казаки шли *на прагъ*, по объясненію Карамзина (V, 179), на лыжахъ.

367) Ibid. VI, 170; VIII, 111; Ник. V, 194—197 (подъ 1445 г.). Воск. лѣт. о походѣ Улу-Махмета къ Мурому говоритъ подъ 1444 и 1445 годами. Можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ ханъ два раза покушался напасть на Муромъ.

368) Ibid. IV, 123.

гдѣ и произошелъ бой, въ которомъ палъ, между прочимъ, и Андрей Лугвица; много русскихъ взято было въ плѣнъ; литвы пало 200 человекъ³⁶⁹).

Зимой **1438 г.**, какъ мы видѣли, Улу-Махметъ ушелъ изъ Бѣлева къ Волгѣ; онъ взялъ въ Нижнемъ старый городъ, иначе — старыя укрѣпленія, но не могъ взять *меньшаго города* — укрѣпленія, построеннаго Дмитріемъ Константиновичемъ, тестемъ Донскаго. Здѣсь засѣли и отсиживались отъ татаръ нижегородскіе воеводы, кн. Ѳеодоръ Долголядовъ да Юшка (Юрій) Драница. Прогнанные отъ Мурома, какъ уже выше сказано, въ **1445 г.**, татары бѣжали опять къ Нижнему, а великій князь чрезъ Суздаль и Владиміръ возвратился въ Москву въ великій пятокъ (въ **1445 г.** Пасха была 28-го марта). Вскорѣ въ Москву пришло извѣстіе, что Улу-Махметъ послалъ на великаго князя сыновей своихъ, Мамутяка и Ягуба. Василій Васильевичъ съ своими полками выступилъ на встрѣчу имъ. Въ Юрьевѣ «прибѣжали» къ нему нижегородскіе воеводы, которые, находясь въ осадѣ, доведены были голодомъ до крайности: зажегши городъ, они ночью бѣжали. Пробывши Петровъ день въ Юрьевѣ, великій князь пошелъ къ Суздалью. Въ это время къ нему подошли князья: Иванъ Андреевичъ можайскій, Михаилъ Андреевичъ верейскій и Василій Ярославичъ боровскій. Іюля 6-го князья остановились на р. Каменкѣ близъ Суздаля, недалеко отъ Евѳиміева монастыря, и начали готовиться къ бою. Вечеръ этого дня великій князь ужиналъ у себя и вмѣстѣ съ князьями и боярами пировалъ до глубокой ночи; въ тотъ же вечеръ подоспѣли еще нѣкоторыя полки. На слѣдующій день, 7-го іюля, отслушавши заутреню, Василій Васильевичъ хотѣлъ еще немного «попочинуть», какъ пришло извѣстіе, что татары вѣ-бродъ переходятъ р. Нерль. Полки великаго князя приготовились къ бою; но воиновъ было не много, около полуторы тысячи, потому что не всѣ еще собрались: такъ, на примѣръ, не подоспѣлъ царевичъ Бердедать, ночевавшій съ 6-го на 7-ое іюля въ Юрьевѣ, а Шемяка ни самъ не пришелъ, ни полковъ своихъ не послалъ. Татаръ же было три съ половиной тысячи. Въ бою, не подалеку отъ Евѳиміева монастыря, великокняжескіе полки бодро ударили на татаръ и обратили ихъ въ бѣгство; часть великокняжескихъ ратныхъ людей преслѣдовала побѣжденныхъ, но многіе разбѣжались по мѣсту побоища и начали грабить убитыхъ. Это послѣднее обстоятельство испортило все дѣло: татары, замѣтивъ малочисленность преслѣдующихъ, вдругъ поворотили назадъ и ударили на русскихъ; побѣда осталась за ними: израненный

369) Ibid. IV, 123 (подъ 1446 г.); VIII, 112; Ник. V, 194—195. Въ Соф. первой (V, 267) говорится, что литовцы взяли съ Калуги окупъ, что Михаилъ Андреевичъ «можайскій» (собственно верейскій) вышелъ противъ 7 т. литовцевъ съ тремястами людей, былъ побитъ и бѣжалъ.

великій князь, князь Михаилъ Андреевичъ верейскій и мн. др. князья и бояре живьемъ взяты были татарами; войска московскія обратилсь въ бѣгство; татары преслѣдовали ихъ и многихъ побили, многихъ взяли въ плѣнъ. Царевичи — побѣдители остановились въ Евфиміевомъ монастырѣ, откуда послали одного татарина въ Москву съ извѣстіемъ о плѣненіи великаго князя, а въ доказательство этого татарину данъ былъ для предъявленія великимъ княгинямъ снятый съ Василія Васильевича крестъ — тѣльничекъ. Въ Москвѣ сдѣлался страшный переполохъ: всѣ думали, что татары придутъ въ столицу, въ которой искали спасенія и жители окрестныхъ селеній. Сумятица усилилась еще потому, что 14-го іюля (по Соф. 1-ой—24-го) произошелъ пожаръ, истребившій, по преувеличенному, кажется, выраженію лѣтописей, весь городъ. Въ это смутное время великія княгини — мать и жена Василія — съ семействомъ и своими боярами уѣхали въ Ростовъ, многіе жители также начали выѣзжать изъ города. Тогда черные люди, которымъ нечего было терять, принялись укрѣплять городскія ворота; выѣзжавшихъ изъ города брали, истязали и ковали въ цѣпи. Волненіе, наконецъ, улеглось и оставшіеся въ столицѣ жители начали сообща укрѣплять городъ и обстраиваться. . . . Между тѣмъ татары, простоявши подъ Суздалемъ три дня, пошли мимо Владиміра къ Мурому, а отсюда — въ Нижній-Новгородъ. Въ концѣ августа (25-го) Махметъ съ дѣтьми своими и со всею ордою своею пошелъ къ Курмышу, захвативъ съ собою и плѣнниковъ. Тогда же онъ послалъ къ Дмитрію Шемякѣ посла Бегича съ извѣстіемъ о взятіи великаго князя въ плѣнъ. Шемяка, воздавши большую честь послу, отправилъ съ нимъ къ хану дьяка Федора Дубенскаго, который долженъ былъ хлопотать о томъ, чтобы Василія не выпускали изъ плѣна. Бегичъ и Дубенскій были уже въ Муромѣ, какъ Махмету пришло въ голову, что посолъ его убить Шемякой. Благодаря, кажется, этому обстоятельству, ускорилось освобожденіе великаго князя изъ плѣна. Сентября 1-го 1446 г., будучи въ Курмышѣ, Махмутъ и сынъ его Мамутекъ утвердили великаго князя крестнымъ цѣлованіемъ на томъ, что онъ дастъ за себя и другихъ плѣнныхъ окупъ, и отпустили его въ Москву, а съ нимъ кн. Михаила Андреевича и др. въ сопровожденіи пословъ съ многочисленной татарскою свитой. Черезъ два дня по выходѣ изъ Курмыша великій князь послалъ въ Москву Андрея Плещеева съ сеунчемъ (извѣстіемъ) къ великимъ княгинямъ и всѣмъ роднымъ о своемъ освобожденіи. Между тѣмъ Бегичъ и Дубенскій отправились изъ Мурома къ Нижнему Окою, отпустивъ Плещку Образцова съ конями своими берегомъ. Этотъ послѣдній, встрѣтившись на дорогѣ съ Плещеевымъ и узнавши отъ него объ освобожденіи великаго князя, догналъ Дубенскаго и Бегича и передалъ имъ слышанную отъ Пле-

щеева новость. Тѣ возвратились въ Муромъ, гдѣ кн. Василій Ивановичъ Оболенскій схватилъ и заковалъ Бегича въ цѣпи. Шемяка, узнавши объ этомъ, бѣжалъ въ Угличъ... Василій Васильевичъ, пробывши нѣсколько времени въ Муромѣ, чрезъ Владимірѣ поѣхалъ въ Переяславль, гдѣ его ожидали: мать, жена, сыновья — Иванъ и Юрій, — князья, бояре и пр. Ноября 17-го великій князь подѣхалъ къ Москвѣ и остановился на Ваганковѣ (за городомъ), въ домѣ матери своей, откуда, потомъ, переѣхалъ въ городъ, въ домъ кн. Юрія Патрикѣевича³⁷⁰).

Не смотря на счастливый оборотъ дѣлъ Василя Васильевича, враги его не успокоились. Шемяка всѣми мѣрами старался очернить Василя и представить его врагомъ Руси и тѣхъ князей, которыхъ онъ надѣялся привлечь на свою сторону. Съ великимъ княземъ изъ плѣна вышло множество татарскихъ князей и простыхъ татаръ; многимъ изъ нихъ онъ роздалъ въ кормленіе города и волости. Этыхъ, такъ сказать, татаръ-нахлѣбниковъ великіе князья приручали, ласкали и употребляли ихъ противъ ихъ же единоплеменниковъ, и за такую политику, кажется, нельзя порицать московскихъ князей. Но враги Василя воспользовались этимъ и указывали на раздачу волостей и городовъ татарскимъ выходцамъ, какъ на оскорбленіе русскихъ людей. Вѣроятно, народъ былъ обремененъ налогами, къ чему великаго князя могло вынудить обязательство дать окупъ Улу-Махмету. И этимъ враги Василя пользовались и мучили народъ. Вотъ почему мы видимъ, что въ Москвѣ много было недовольныхъ великимъ княземъ какъ между боярами, такъ и между гостями и даже чернецами; главнымъ между ними представляется какой-то Иванъ Старковъ. Шемяка прежде всего обратился къ кн. Ивану Можайскому и передалъ ему (въ народѣ ли ходила такая молва, или самъ Шемяка выдумалъ это, неизвѣстно), что великій князь выпущенъ

---

370) Ibid. III, 141; IV, 125, 212—213; V, 267—268; VI, 170—172; VIII, 112—114; Ник. V, 196—202. По нѣкоторымъ изъ указанныхъ лѣтописей (III, 141; IV, 125, 212) бой близъ Суздаля происходилъ въ 1446 г.; освобожденіе Василя, по однихъ лѣтописямъ (V, 268; VI, 277), было въ 1445, по другимъ (III, 141; IV, 213; VI, 172 и VIII, 114) — въ 1446, а по нѣкоторымъ (IV, 125) — даже въ 1447 г. — Сумма выкупа за великаго князя въ лѣтописяхъ показывается различно. Одни изъ нихъ говорятъ, что Василій цѣловалъ крестъ хану и его сыну на томъ, что дастъ выкупъ, «сколько можетъ»; другія, какъ Новгород. вторая, опредѣляютъ выкупъ въ 200,000 рублей; третьи, наконецъ, какъ Псковская первая, такъ говорятъ о выкупѣ: «посуливъ на собѣ отъ злата и сребра и отъ портища всякого и отъ коней и отъ доспѣховъ пол—30 тысячъ», а Новгородская 4-я дѣлаетъ такой намекъ, который, упоминая о 200-тысячномъ выкупѣ, заставляетъ предполагать еще болѣшій: «и взя на немъ окупа двѣсти тысячъ рублевъ, а иное Богъ вѣсть да они». Во всякомъ случаѣ окупъ, надобно предполагать, былъ громаденъ. — Ко времени пребыванія великаго князя въ плѣну нѣкоторые (см. «Ист. Р.» Соловьева IV, 115) относятъ договоръ великаго князя съ Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами отъ 17 июля 1445 г. (С. г. г. и д. I, № 61). О немъ см. подъ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ, во II-мъ томѣ.

изъ плѣна потому, что обѣщаль на крестномъ цѣлованіи отдать Улу-Махмету Московское княженіе и всѣ русскіе города и волости другихъ князей, а самъ — сѣсть на Тверскомъ княженіи. Дѣятельными помощниками Шемяки выступаютъ здѣсь какіе-то Константиновичи, — можетъ быть, бояре его. Къ Шемякѣ и Ивану Можайскому вскорѣ присталъ и Борисъ тверскій, которому они сообщили замыслы великаго князя, хотя это извѣстіе, судя по послѣдующимъ событіямъ и поведенію Бориса, подвергается сомнѣнію. Эти союзники слѣдили чрезъ своихъ московскихъ сообщниковъ за каждымъ шагомъ Василя Васильевича, выжидая удобнаго случая для нападенія на него. Случай такой скоро представился. Василій Васильевичъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, вѣроятно, въ благодарность за избавленіе изъ плѣна, собрался съ дѣтьми своими, Иваномъ и Юріемъ, поклониться живоначальной Троицѣ и мощамъ преп. Сергія. Враги его находились въ то время въ Рузѣ, откуда ссылались съ своими московскими единомышленниками. Узнавъ отъ послѣднихъ, что Василій съ небольшою свитой уѣхалъ въ Троицкій монастырь, они изгономъ бросились къ Москвѣ и 12-го февраля (1446 г.) взяли городъ, который отворили имъ ихъ соучастники. Обѣ великія княгини были схвачены, казна великаго князя и матери его захвачена, великокняжескіе бояре были переловлены, а казны ихъ разграблены, ограблены были и многіе изъ гражданъ. Въ ту же ночь Шемяка отправилъ въ Троицкій монастырь своего соучастника, кн. Ивана Можайскаго, со многими его и своими людьми. Въ слѣдующій день, во время литургіи, когда великій князь былъ въ церкви, къ Троицѣ прискакалъ какой-то Бунко съ извѣстіемъ, что Шемяка и кн. Можайскій идутъ на великаго князя. Но Василій не повѣрилъ Бунку, какъ прежде еще перебѣгавшему на сторону Шемяки, приказалъ прогнать его съ монастырскаго двора, не подалеку отъ котораго его даже побили сторожевые ратные люди. «Сіи смущаютъ насъ, говорилъ Василій Васильевичъ по поводу извѣстія Бунка, а язь съ своею братьею въ крестномъ цѣлованіи, то како можетъ быти тако?» Тѣмъ же менѣе онъ послалъ къ Радонежу сторожевыхъ людей. Князь Можайскій, чтобы благополучно пробраться къ Троицѣ, употребилъ хитрость: изготовлено было множество сапей съ рогожамъ и полостями, подъ которыми скрывалось по два вооруженныхъ ратника, а третій, при каждыхъ саняхъ, долженъ былъ идти сзади, какъ будто пзвощикъ за обыкновеннымъ возомъ. Когда эти возы минули великокняжескую стражу, вооруженные ратники повыскакали изъ сапей и напали на сторожевыхъ людей, которымъ невозможно было спастись хотя бы бѣгствомъ, такъ какъ лежалъ вездѣ глубокій снѣгъ. Когда великій князь самъ убѣдился въ истинѣ извѣстій Бунка, когда враги его уже подошли къ монастырю, онъ бросился въ конюшню,

но наготовѣ не было ни одного коня, такъ что ему пришлось скрыться въ Троицкой каменной церкви, гдѣ его заперъ пономарь. Прежде всѣхъ на монастырскій дворъ прискакалъ одинъ изъ Константиновичей, совѣтниковъ Шемяки, Никита, а потомъ и самъ кн. Иванъ Можайскій, который спрашивалъ, гдѣ находится великій князь. Услышавъ знакомый голосъ, Василій Васильевичъ сказалъ: «Брате! помилуйте мя, не лишите мя зрѣти образа Божіа и пречистыя Матери Его и всѣхъ святыхъ Его; не изыду изъ монастыря сего и власы главы своея здѣ остригу». Послѣ этого онъ самъ отомкнулъ двери храма и съ иконою вышелъ къ кн. Можайскому, которому напомнилъ объ обоюдномъ крестномъ цѣлованіи на томъ, чтобы не мыслить другъ другу лиха. Князь Иванъ сказалъ, что надъ ними самими учинится лихо, если они пожелаютъ лиха ему, великому князю; «но се творихомъ, продолжалъ кн. Можайскій, христіанства ради и твоего окупа: видѣвше бо се татары пришедшіи съ тобою облегчать окупъ, что ти царю давати». Великій князь, поставивъ икону на мѣсто, съ горькимъ плачемъ началъ молиться; князь же Иванъ, выходя изъ церкви, приказалъ Никитѣ Константиновичу взять его. «Пойманъ еси Богомъ и великимъ княземъ Дмитреемъ Юрьевичемъ», сказалъ Никита великому князю, когда тотъ, по окончаніи молитвы, спросилъ, гдѣ братъ его, князь Иванъ. «Да будетъ воля Божія!» сказалъ вел. князь на слова Никиты. Въ простыхъ саняхъ Василія отвезли въ Москву. Но враги его, въ увлеченіи, забыли про дѣтей его, которыя укрылись на монастырскомъ дворѣ. Они, съ оставшимися при нихъ людьми, въ ту же ночь бѣжали къ Юрьеву, въ село Боярково, къ кн. Ивану Рязоловскому, который, вмѣстѣ съ братьями своими, Семеномъ и Дмитріемъ, и со всѣми людьми своими бѣжалъ въ Муромъ и здѣсь затворился съ дѣтьми Василія. Между тѣмъ, 14-го февраля Василія привезли въ Москву и посадили на Шемякиномъ дворѣ, а 16-го февраля, ночью, ослѣпили его и вмѣстѣ съ в. кн. Маріей отослали въ заточеніе въ Угличъ, а мать его Софью отправили въ Чухлому. Чтобы придать законную силу своимъ дѣйствіямъ и поступкамъ, враги Василія, предъ ослѣпленіемъ его, исчисляли вины его: «чему еси, говорили они, татаръ привелъ на Русскую землю и города далъ еси имъ и волости подавалъ еси въ кормленіе? а татаръ любишь и рѣчь ихъ паче мѣры безъ милости, а золото и серебро и имѣніе даешь татаромъ». Такіе обвинительные пункты были выставлены со стороны Шемяки. Нельзя не замѣтить, что когда онъ привлекалъ на свою сторону другихъ князей, то выставлялъ другую вину великаго князя: его обязательство отдать хану великое княженіе и княженія другихъ князей. Между тѣмъ, приверженцы Василія Васильевича, кн. Василій Ярославичъ боровскій, Василіевъ шуринъ, и кн. Семенъ Ивановичъ Оболенскій бѣжали въ Литву, а дѣти боярскія и

всѣ люди московскіе били челомъ Шемякѣ и приведены къ крестному цѣлованію. Не хотѣлъ только присягать воевода Ѳеодоръ Басенокъ, и Шемяка приказалъ заковать его въ цѣпи. Но Басенокъ сошелся съ своимъ приставомъ и вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ въ Коломну, гдѣ нѣкоторое время скрывался у своихъ пріятелей, а потомъ, привлеки на свою сторону многихъ людей, пограбилъ съ ними Коломенскій уѣздъ и ушелъ въ Литву, къ Василю Ярославичу. Этотъ послѣдній получилъ отъ в. кн. литовскаго въ вотчину Брянскъ, Гомей, Стародубъ, Мстиславль и др. мѣста. Первый изъ названныхъ городовъ онъ отдалъ кн. Оболенскому и Басенку... Но возвратимся къ Москвѣ. Непрочность Шемяки на великокняжескомъ столѣ сказалась въ первые же дни его княженія: всѣ негодовали на него, желая видѣть на великокняжескомъ столѣ Василя, и не только негодовали, «но и на самого мысляху», — такъ что когда Шемяка узналъ о томъ, что дѣти Василя заперлись въ Муромѣ, то самъ боялся забрать ихъ, а призвалъ къ себѣ рязанскаго (и муромскаго) епископа Іону и, общавая дать ему митрополію, а также освободить Василя Васильевича и дать ему «отчину... доволну», просилъ отправиться въ Муромъ и взять дѣтей Василовыхъ подъ свое святительское ручательство въ ихъ безопасности («на свой патрахѣль»). Епископъ отправился въ Муромъ и передалъ князьямъ Ряполовскимъ желаніе Шемяки. Ряполовскіе на совѣтѣ пришли къ тому заключенію, что лучше положиться на слова святителя, чѣмъ ожидать, когда ихъ съ княжичами Шемяка возьметъ силой. Они сказали епископу, что исполнять требованіе Шемяки, но только «безъ крѣпости» не отпустить дѣтей великаго князя, а потому владыка долженъ взять ихъ въ соборной Рождественской церкви «у Пречистые съ пелены на свой патрахѣль». Такъ и сдѣлали. Это означало, что владыка ручается, своимъ святительскимъ саномъ, за безопасность принимаемыхъ имъ дѣтей великаго князя. Іона съ дѣтьми Василя прибылъ 6-го мая въ Переяславль, гдѣ тогда находился Шемяка. Послѣдній принялъ княжичей съ притворною лаской, звалъ къ себѣ на обѣдъ и одарилъ ихъ, а на третій день, въ сопровожденіи того же епископа Іоны, отправилъ ихъ въ Угличъ къ отцу въ заточеніе. Братья Ряполовскіе, видя коварство Шемяки, начали придумывать средства къ освобожденію великаго князя. Къ нимъ въ той же мысли пристали: кн. Иванъ Вас. Стрига, Ив. Ощера съ братомъ Бобромъ, Юшка Драница, Семень Филимоновъ съ дѣтьми, Русалка, Руно и многія другія боярскія дѣти. Они условились собраться подъ Угличемъ въ полдень Петрова дня. Семень Филимоновъ явился въ-время, а Ряполовскіе принуждены были уйдти за Волгу къ Бѣлоозеру, такъ какъ Шемяка узналъ объ ихъ замыслахъ. Послѣдній съ Углича послалъ за ними со множествомъ людей Василя Вепрева и Ѳедора

Михайловича, которые должны были соединиться при устьѣ Шексны. Ѳеодоръ не подоспѣлъ во-время къ Вепреву, и послѣдняго Ряполовскіе побили на устьѣ Мологи, а потомъ обратились къ устью Шексны на Ѳеодора, который бѣжалъ отъ нихъ за Волгу. Послѣ этого Ряполовскіе пошли по Новгородской землѣ въ Литву и пришли въ Мстиславль къ Василью Ярославичу боровскому, къ которому потомъ явились еще многіе изъ бывшихъ и не бывшихъ въ сообщничествѣ съ Ряполовскими. Они начали побуждать боровскаго князя къ освобожденію углицкаго узника³⁷¹⁾.

Между тѣмъ Шемяка, видя, что отъ него многіе бѣгутъ, вмѣстѣ съ кн. Иваномъ Андреевичемъ можайскимъ созвалъ совѣтъ изъ владыкъ и бояръ, которымъ предложилъ на рѣшеніе вопросъ о томъ, освобождать или держать Василія Васильевича въ заточеніи. Владыка Іона, занимавшій уже митрополитчій дворъ, укорялъ Шемяку въ томъ, что онъ ввелъ его въ грѣхъ и срамъ — сдѣлалъ его лжецомъ и неправду учинилъ съ великимъ княземъ, котораго долженъ былъ освободить изъ заточенія. Шемяка рѣшился освободить Василія и дать ему отчину. — Въ слѣдующемъ 1447 г. онъ, въ сопровожденіи духовнаго клра, отправился въ Угличъ и, «каяся и прощаяся», 15-го сентября освободилъ великаго князя, который, напротивъ, во всемъ винилъ самого себя: въ томъ, что онъ былъ клятвoprеступникомъ предъ старѣйшею братьею своею и предъ всѣмъ христіанствомъ, которое изгубилъ и еще хотѣлъ изгубить до конца, почему и достоинъ «главнѣя казни» (смертной). Шемяка въ честь Василія и его семейства устроилъ пиръ, на которомъ присутствовали епископы, бояре и дѣти боярскія, щедро одарилъ его и отпустилъ въ данную ему отчину, Вологду. — Не долго побывши въ Вологдѣ, Василій Васильевичъ собрался со всѣми своими приближенными въ Кирилловъ монастырь будто бы накормить, по тогдашнему обычаю, монастырскую братію и раздать милостыню. Здѣсь игумень Трифонъ со всею братіею благословилъ его и дѣтей его на великое княженіе, — а чтобы не смущалась совѣсть князя-слѣпца, настоятель монастыря сказалъ ему: «Тотъ грѣхъ на мнѣ и на моей братіи головахъ, что еси дѣловалъ крестъ и крѣпость далъ князю Дмитрію». Услышавши объ этомъ, бояре, дѣти боярскія и многіе простые люди начали перебѣгать отъ Шемяки къ Василью Васильевичу, который изъ монастыря пошелъ не въ Вологду, а въ Тверь; снесшись по этому поводу съ тамошнимъ княземъ. Борисъ Александровичъ съ честію принялъ Василія и одарилъ его; затѣмъ послѣдовало обрученіе семилѣтняго Василіева сына Ивана съ пятилѣтней дочерью Бориса, Маріей... И сюда, въ Тверь, продолжали стекаться приверженцы Василія.

371) Цитаты см. въ слѣд. прим.

Въ то же время и изъ Литвы шли его приверженцы. Василій Ярославичъ, не зная еще объ освобожденіи великаго князя, сговорившись съ князьями Рязанскими, кн. Иваномъ Стригой, кн. Семеномъ Оболенскимъ, Басенкомъ и др., назначилъ сборный пунктъ въ Пацынѣ, откуда рѣшено было идти къ Угличу. Семейства свои они оставили пока въ Литвѣ. Но вскорѣ они узнали, что Василій свободенъ и находится въ Твери, а потому рѣшили прямо идти на Русь. Около Ельны съ ними повстрѣчался отрядъ татаръ, и едва не произошло схватки. Оказалось, что съ татарами шли дѣти Махмета, Касимъ и Ягубъ, также на выручку великаго князя: русскіе и татары соединились и продолжали путь вмѣстѣ... Шемяка и Иванъ Можайскій стояли тогда на Волокѣ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Василій Васильевичъ послалъ въ Москву изгономъ боярина Михаила Плещеева съ немногими людьми, которые незамѣтно прошли мимо полковъ Шемяки и подошли къ Москвѣ. Это было въ ночь на Р. Хр. Въ ту пору въ Кремль къ заутренѣ проѣхала вдова кн. Василя Владиміровича угличкаго Ульяна чрезъ Никольскія ворота, которыя, послѣ проѣзда ея, остались незапертыми. Плещеевъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и проникъ въ городъ. Намѣстникъ Шемяки, бывшій тогда у заутрени, бѣжалъ; но намѣстника кн. Ивана Можайскаго поймали и заковали; близкихъ къ Шемякѣ и кн. Ивану людей хватили, грабили и ковали, а гражданъ привели къ крестному цѣлованію на вѣрность вел. кн. Василю. Городъ начали укрѣплять. Между тѣмъ самъ великій князь пошелъ къ Волоку. Узнавши о взятіи Москвы и о томъ, что къ Василю отовсюду собираются простые и ратные люди, Шемяка и его сообщникъ бѣжали въ Галичъ, отсюда — въ Чухлому, а изъ Чухломы, захвативши съ собою Василюву мать, ушли въ Каргополь. Великій князь, преслѣдуя Шемяку, остановился подъ Угличемъ, куда пришелъ и Василій Ярославичъ, а Борисъ тверскій прислалъ пушки. Взявши Угличъ, Василій Васильевичъ пошелъ къ Ярославлю, подъ который пришли и дѣти Махмета. Отсюда Темный послалъ къ Шемякѣ боярина Василя Оедоровича Кутузова съ просьбой объ освобожденіи Софіи Витовтовны, а самъ пошелъ въ Москву, куда прибылъ 17-го февраля. Обсудивши съ боярами эту просьбу, Шемяка отпустилъ Василюву мать съ бояриномъ своимъ Михаиломъ Оедоровичемъ Сабуровымъ, который не возвратился къ Шемякѣ, а остался служить Василю. Въ слѣдующемъ **1448 г.** Шемяка перебрался въ Галичъ. Василій выступилъ противъ него и остановился въ Костромѣ. Послѣ переговоровъ чрезъ пословъ, Юрьевичъ далъ великому князю «проклятыя» грамоты, по которымъ клялся не имѣть къ великому князю, дѣтямъ его и всему великому княженію никакого лиха. Примирившись, Василій пошелъ съ Костромы въ великій четвергъ и, отпраздновавши въ Ростовѣ

первый и второй дни Пасхи (24-го и 25-го марта), прибылъ въ Москву на Оуминой недѣлѣ³⁷²).

Но возвратимся немного назадъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о договорахъ великаго князя съ удѣльными за послѣдніе два года, о чемъ не было говорено въ своемъ мѣстѣ какъ потому, что неудобно было прерывать нити разсказа, такъ и потому, что нѣкоторые договоры трудно приурочить къ опредѣленному времени.

Ко времени послѣ послѣдняго занятія Василиемъ Москвы относится договоръ его съ Иваномъ Можайскимъ³⁷³). Договоръ трактуетъ объ обоюдной дружбѣ какъ между ними, такъ и между дѣтьми ихъ, о немщеніи со стороны великаго князя за прежнюю вражду и о забвеніи послѣдней. Въ свидѣтели этого договора они призываютъ Бога и святыхъ угодниковъ Его, а въ посредники—кн. Бориса тверскаго съ супругой его, Михаила Андреевича Можайскаго и Василя Ярославича боровскаго. Около того же времени

---

372) П. С. Р. Л. III, 141; IV, 123, 125—126, 131, 146, 213; V, 268—269; VI, 172—178; VII, 226; VIII, 115—121; XV, 493; Ник. V, 202. Нѣкоторыя изъ описываемыхъ здѣсь событій переходятъ изъ одного года въ другой: то, что въ однихъ лѣтописяхъ находимъ подъ 1446 годомъ, въ другихъ — подъ 1447 и на оборотъ. — Нѣкоторыя лѣтописи, какъ Архангелогородская и «Лѣтописецъ Русскій», изд. Н. Львовымъ (1792 г.), передаютъ сношенія Василя съ Борисомъ тверскимъ такъ: Василій пошелъ въ Тверь и просилъ у Бориса помощи противъ Шемяки; Борисъ обѣщалъ помощь только при такомъ условіи, если Василій женить своего сына на его, Борисовой, дочери. При этомъ «Лѣтописецъ Русскій» (III, 342) влагаетъ въ уста Бориса такую рѣчь: «а не женишь, то я выдамъ тебя *опять*(?) князю Дмитрію... Онъ же (Василій), продолжаетъ лѣтописецъ, *неволею* обручи дочь Марію у кн. Бориса Александровича за сына своего, Ивана». Почти то же находимъ и въ «Лѣтоп. содерж. рос. ист. отъ $\frac{6360}{852}$ до $\frac{7106}{1598}$ (1781 г.). Трудно вѣрить этимъ извѣстіямъ. По Татищеву Василій началъ переговоры съ Борисомъ еще до прибытія въ Тверь. При чемъ же была бы тутъ угроза Бориса? Притомъ, Василій такъ довѣрчиво не могъ бы относиться къ Борису, чтобы просить у него помощи, если бы Борисъ дѣятельно присталъ, какъ передаютъ нѣкоторыя лѣтописи, къ Шемякѣ. А Новгородскія 2-я и 4-я (III, 141; IV, 125) передаютъ даже, что Борисъ участвовалъ въ ослѣпленіи Василя, чему ужъ, кажется, никакъ нельзя повѣрить. — Въ Тверской лѣт. (т. XV, 493) говорится, что Василій далъ Борису г. Ржеву. Но неизвѣстно, почему Борису пришлось брать его силой, съ пушками. — Пацынъ упоминается въ духовной Ивана III (С. г. г. и д. I, № 144): онъ даетъ сыну своему Юрію, между прочимъ, «волости: Соловьевичи, Прикладки, Пацынъ.»

373) С. г. г. и д. I, № 63. Такого же содержанія договоръ подъ № 68. Въ этомъ послѣднемъ есть только одна разница, та, что въ началѣ договора прибавлено, что дѣти Василя будутъ пѣловать крестъ Шемякѣ, когда имъ исполнится по 12 лѣтъ. О первомъ договорѣ издатели говорятъ, что онъ писанъ около 1447 г., а о второмъ *положительно* говорятъ, что онъ писанъ въ 1448 г., хотя и нигде не видно, на чемъ издатели основываются. Намъ кажется, что это — двѣ редакціи одного и того же договора, такъ какъ они, за исключеніемъ указанной выше прибавки въ № 68, дословно сходны. То обстоятельство, что въ посредники здѣсь берется тверскій князь, заставляетъ думать, что договоръ состоялся вскорѣ по занятіи Василиемъ Москвы, которому, т. е. занятію, предшествовало обрученіе дѣтей Василя и Бориса.

Иванъ можайскій вмѣстѣ съ другими удѣльными князьями участвовалъ въ договорѣ великаго князя московскаго съ вел. кн. рязанскимъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ ³⁷⁴). Къ описываемому времени относятся договоры Василя Васильевича и съ другими князьями, какъ-то: съ Василюмъ Ярославичемъ боровскимъ и Михаиломъ Андреевичемъ верейскимъ (можайскимъ). Но мы не будемъ здѣсь указывать на содержаніе этихъ договоровъ, такъ какъ это сдѣлано въ біографіяхъ названныхъ князей; скажемъ только, что боровскій и верейскій князья стояли на сторонѣ великаго князя и свято исполняли договоры съ нимъ, хотя почему-то въ **1456 г.** Василю и приказалъ схватить и заточить въ Угличѣ князя боровскаго.

Теперь возвратимся къ прерванной нити разсказа.

Мы видѣли, что въ **1448 г.** въ Костромѣ Шемяка заключилъ миръ съ Василюмъ и далъ на себя проклятыя грамоты. Объ этомъ упоминаетъ и владыка Іона въ своемъ окружномъ посланіи о посвященіи его въ митрополиты. Говоря о заключенномъ князьями мирѣ, онъ совѣтуетъ князьямъ, боярамъ и всѣмъ христіанамъ бить челомъ великому князю о жалованьи, какъ ему Богъ положитъ на сердце. «А если не станете бить челомъ, продолжаетъ митрополитъ, и отъ того прольется кровь христіанская, то вся эта кровь взыщется отъ Бога на васъ». Но Шемяка, въ слѣдующемъ же **1449 г.**, уже нарушилъ клятву: съ большимъ войскомъ онъ двинулся на Кострому, куда прибылъ въ день Пасхи, 13-го апрѣля, — долго бился подъ этимъ городомъ съ ратными людьми Василя, но безуспѣшно, потому что въ Костромѣ съ кн. Ив. Вас. Стригой и Ѳ. Басенкомъ была сильная застава (гарнизонъ), дворъ великаго князя, дѣти боярскія. Съ митрополитомъ Іоной, епископами, братьями и татарскими царевичами великій князь выступилъ противъ клятвopреступника; войска пришли въ село Рудино, около Ярославля, на правой сторонѣ Волги. Шемяка переправился также на правую сторону. До битвы, впрочемъ, дѣло не дошло. Иванъ можайскій, бывшій съ Шемякой, перешелъ на сторону Василя, который далъ ему, въ придачу къ Можайску, Бѣжецкій Верхъ, и, кажется, это обстоятельство, заставило Шемяку также примириться съ Василюмъ. Бѣжецкій Верхъ отданъ былъ Ивану можайскому еще въ **1447 г.**, но, вѣроятно, вскорѣ по чему-либо отобранъ былъ отъ него ³⁷⁵). Въ слѣдующемъ **1450 г.**, неизвѣстно по

374) Ibid. № 65. Эта грамота писана 1447 г. іюля 20. Этой даты въ текстѣ не выставлено, потому что трудно опредѣлить хронологическое отношеніе этого договора къ договору № 63. Къ той же порѣ должна относиться грамота № 69, но мы ея не помѣщаемъ, такъ какъ не находимъ въ ней ничего особеннаго; въ ней рисуются самыя обыкновенныя отношенія князей. О другихъ договорахъ Василя Васильевича съ Иваномъ можайскимъ см. по дѣ этимъ послѣднимъ.

375) П. С. Р. Л. IV, 131, 146; V, 269; VI, 178; VIII, 122; Ник. V, 215; Акты Ист. I, № 40.

какимъ побужденіямъ, великій князь опять выступилъ противъ Шемяки съ большимъ силами, съ которыми, въ концѣ января, подошелъ къ Галичу. Шемяка стоялъ съ своимъ войскомъ на прилежащей къ городу горѣ, окруженной оврагами. Василій, остановившись въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, послалъ къ Галичу свои войска подъ главнымъ воеводствомъ кн. Вас. Вас. Оболенскаго и татарскихъ царевичей, которые подступили къ городу 27-го января. При всемъ неудобствѣ мѣстности (овраги), по которой приходилось пробираться, московскія войска, обстрѣливаемые съ городскихъ стѣнъ, взобрались на гору, и начался бой. Много воиновъ Шемяки легло на мѣстѣ, многіе изъ болѣе знатныхъ взяты живьемъ, а самъ Шемяка едва спасся бѣгствомъ въ Новгородъ. Великій князь, послѣ молебствія по случаю побѣды, отправился въ городъ, умирилъ гражданъ и, оставивъ въ Галичѣ своихъ намѣстниковъ, уѣхалъ въ Москву, куда прибылъ въ половинѣ февраля, на масляной недѣлѣ³⁷⁶).

Великому князю, не разъ обманутому Шемякой, приходилось, во что бы то ни стало, какъ-нибудь отдѣлаться отъ него. Но его отвлекали татарскія дѣла. Еще въ **1448** году казанскій царь Мамутекъ, сынъ Улу-Махмета, отце-и брато-убійца, послалъ всѣхъ своихъ князей воевать отчины великаго князя, Муромъ и Владиміръ. Противъ нихъ выходилъ тогда 10-лѣтній сынъ Василя Иванъ. Въ **1449 г.** татары Седи-Ахмета, хана Синей или Ногайской орды, доходили до р. Похры, плѣнили жену кн. Василя Оболенскаго и, вообще, много зла учинили христіанамъ. Этихъ татаръ преслѣдовалъ царевичъ Касимъ, отнявшій у нихъ русскій полонъ³⁷⁷). Въ слѣдующемъ **1450 г.** татары пошли по направленію къ Рязанской землѣ. Великій князь, бывшій тогда въ Коломнѣ, выслалъ противъ нихъ того же Касима съ татарами и воеводу Беззубцова съ коломенской ратью, которые встрѣтили враговъ у р. Битюга, побили ихъ и обратили въ бѣгство³⁷⁸). Серьезнѣе было нападеніе татаръ въ слѣдующемъ **1451 г.** Великій князь неожиданно получилъ извѣстіе, что на Москву идетъ сынъ Седи-Ахмета, царевичъ Мазовша. Не успѣвши собрать всѣхъ ратей, онъ пошелъ къ Окѣ съ наличными немногочисленными полками; на пути онъ узналъ, что Мазовша уже не вдалекѣ отъ Оки, а потому воротился въ Москву, пославши съ своими полками кн. Ивана Звенигородскаго съ тѣмъ, чтобы онъ по возможности задержалъ быструю переправу татаръ чрезъ Оку. Кн. Звенигородскій, однако, струсилъ и воротился съ дороги назадъ, но инымъ путемъ, а не по слѣдамъ за великимъ княземъ... Василій Васильевичъ, встрѣтивши Петровъ день въ

376) Ibid. IV, 131; V, 269—270; VI, 178—179; VIII, 122—123; Ник. V, 216—217.

377) Ник. V, 216.

378) П. С. Р. Л. V, 270; VI, 277; VIII, 123; Ник. V, 217.

Москвѣ, съ старшимъ сыномъ Иваномъ поѣхалъ къ Волгѣ, оставивъ въ Москвѣ въ осадѣ мать свою, митр. Іону, сына Юрія и множество бояръ и дѣтей боярскихъ,—а жену свою съ малолѣтними дѣтьми, по извѣстію нѣкоторыхъ лѣтописей, отправилъ въ Угличъ. Іюля 2-го татары подошли къ Москвѣ и зажгли окружныя посады. Тогда стояла засуха, а потому огонь спльно и быстро разошелся; отъ сильнаго жара въ самомъ городѣ загарились церкви; отъ дыму ничего нельзя было видѣть; граждане впали въ уныніе. Татары хотя и подступали къ городу, но неудачно... Пожаръ, наконецъ, затихъ, и дымъ разсѣялся. Тогда граждане стали выходить изъ города и биться съ татарами въ открытомъ полѣ. Но вотъ, въ одну ночь, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописей, татары услышали въ городѣ шумъ: думая, что это пришелъ самъ великій князь, они бѣжали такъ поспѣшно, что побросали на дорогѣ всѣ тяжелыя вещи и полоня. Получивъ отъ матери извѣстіе объ отступленіи татаръ, великій князь возвратился въ Москву, слушалъ молебны и утѣшалъ гражданъ, говоря имъ: «Это случилось по моимъ грѣхамъ. Но вы не унывайте! пусть каждый изъ васъ ставитъ хоромы на своихъ мѣстахъ, а я радъ жаловать васъ и дать вамъ льготу³⁷⁹⁾».

Не смотря на это безпокойное время, на набѣги татаръ и крамолу Шемяки, обычныя государственныя дѣла шли своимъ порядкомъ, и объ нихъ, какъ объ обычныхъ, лѣтописцы ничего не говорятъ: если бы эти дѣла приняли иной оборотъ, они не преминули бы отмѣтить это въ своихъ трудахъ.

Отношенія къ другимъ князьямъ, кромѣ Шемяки, были также обычны. Кажется, къ которому-нибудь изъ двухъ послѣднихъ только что описанныхъ годовъ, а можетъ быть къ двумъ предшествующимъ имъ годамъ, нужно отнести договоръ великаго князя съ Иваномъ Васильевичемъ Горбатымъ. Еще раньше, въ **1446 г.** (?), троюродные братья его, внуки Кирдяны, Василій и Федоръ Юрьевичи, заключили договоръ съ Шемякой, по которому, «когда Богъ дастъ ему (Шемякѣ) достать свою отчину великое княженіе», онъ отберетъ у кн. Ивана можайскаго Суздаль (Нижній, Городецъ и даже Вятку) съ правомъ непосредственныхъ сношеній съ ордой. Теперь Иванъ Горбатый, послѣ того какъ договоръ Юрьевичей рушился самъ собой, заключаетъ съ великимъ княземъ также договоръ, по которому обязуется не заключать мира съ Шемякой и отдать великому князю взятыя у Крымскаго хана старыя ярлыки на Нижегородское и Суздальское княженія. Великій князь съ своей стороны жалуетъ ему Городецъ... Былъ договоръ и съ Михаиломъ Андреевичемъ верейскимъ. По договору **1447 г.** іюня 19-го ве-

379) Ibid. IV, 131, 147; V, 270; VI, 179; VIII, 123—125; Ник. V, 218—221.

ликій князь, между прочимъ, не беретъ съ вотчины Михаила дани въ продолженіе двухъ лѣтъ; по новому же договору отъ 1-го іюля **1450 г.** князь верейскій обязывается давать ордынскіе выходъ³⁸⁰).

Но возвратимся къ прерванному нами разсказу.

Шемяка, бѣжавшій послѣ пораженія 27-го января **1450 г.** въ Новгородъ, вовсе не думалъ успокоиться. Въ декабрѣ **1452 г.** великій князь получилъ извѣстіе, что Юрьевичъ пошелъ къ Устюгу. Отпраздновавши Рождественскіе праздники, Василій Васильевичъ 1-го января выступилъ изъ Москвы; пробывши день Крещенія въ Троицкомъ монастырѣ, онъ продолжалъ путь къ Ярославлю. Здѣсь онъ раздѣлилъ войска на два отряда: прямо къ Устюгу онъ отправилъ кн. Василю Ярославича боровскаго и своихъ бояръ, дворъ свой, кн. Семена Ивановича Оболенскаго, Ѳедора Басенка и др.; второй отрядъ съ великокняжескимъ сыномъ Иваномъ пошелъ на р. Кокшенгу, а самъ великій князь пошелъ въ Кострому, откуда послалъ въ помощь сыну царевича Ягуба. Шемяка, узнавши объ этомъ, сжегъ только Устюжскій посадъ и бѣжалъ. Между тѣмъ второй отрядъ побралъ городки Шемяки, доходилъ до устья Ваги и Осинава Поля, «землю ту всю пусту поплѣниша» и воротился съ большимъ полономъ. Шемяка съ Двины бѣжалъ въ Новгородъ и здѣсь скоростижно скончался 18-го іюля **1453 г.** отъ яда. Кто былъ виновникомъ этого дѣла, столь противнаго, по выраженію нашего исторіографа, вѣрѣ и нравственности, осталось неизвѣстнымъ; участвовалъ ли въ немъ самъ великій князь — также неизвѣстно, — но извѣстно, что онъ весьма обрадованъ былъ вѣстью о смерти своего врага: подьячій Бѣда, привезшій эту вѣсть въ Москву (23-го іюля), былъ пожалованъ въ дьяки³⁸¹).

И такъ, безпокойнаго, но энергичнаго врага великаго князя не стало; съ этой стороны у него руки были, такъ сказать, развязаны. Теперь онъ смѣлѣе могъ дѣйствовать по отношенію къ другимъ князьямъ. Прежде всего онъ, естественно, направилъ свои удары на сподвижника Шемяки «за его, какъ выражаются лѣтописи, неисправленіе». Какъ видно изъ письма митр. Іоны къ епископу смоленскому, это неисправленіе состояло въ томъ, что можайскій князь не являлся на помощь великому князю при двукратномъ нашествіи Седи-Ахметовыхъ татаръ, не смотря на обращенныя къ нему просьбы митрополита. Кстати замѣтимъ, что это письмо или посланіе имѣло и спеціальную цѣль. Василій опасался, чтобы Иванъ можайскій не вздумалъ

380) С. г. г. и д. I, №№ 62, 80—81, 75.

381) П. С. Р. Л. III, 141; IV, 126, 132, 147; V, 271; VI, 179—180; VIII, 125, 144; Ник. V, 221, 278. Объ отравленіи Шемяки говорятъ только Архангелогор. и Новгород. 4 лѣтоп. — Р. Кокшенга — Вологодской губ., Вельскаго уѣзда; впадаетъ въ Вагу.

подбивать противъ Москвы короля, съ которымъ, какъ замѣчаетъ посланіе, великій князь желалъ братства, любви и прочнаго добраго житья. По тому-то митрополитъ и говоритъ епископу смоленскому: «Благословляю тебе, своего сына, чтобы еси того побереглъ, чтобы какъ отъ того кв. Ивана въ вотчинѣ великаго князя пакости не было... А сыну нашему пану Михайлу канцлерю говори, чтобы также о томъ побереглъ, какъ самъ вѣдаетъ...» Иванъ Андреевичъ не думалъ о сопротивленіи: услышавъ, что на него идетъ великій князь, онъ съ семействомъ и со всѣми приближенными своими бѣжалъ въ Литву. Можайскъ присоединенъ былъ къ Москвѣ, и въ немъ великій князь оставилъ своихъ намѣстниковъ³⁸²).

Теперь великій князь обратилъ свое вниманіе на Великій-Новгородъ. Впрочемъ, ему нужно было еще раздѣлаться съ набѣгомъ татаръ. Въ 1455 г. къ Окѣ пришелъ сынъ Седи-Ахмета Салтанъ. Иванъ Васильевичъ Ощера, стоявшій недалеко отъ берега Оки съ коломенской ратью, боялся вступить въ бой съ царевичемъ, и татары свободно переправились чрезъ рѣку, безнаказанно грабили и пустошили край, и съ большимъ пономомъ пошли обратно. Тогда великій князь выслалъ противъ нихъ своихъ дѣтей, Ивана и Юрія, а потомъ и самъ выступилъ. Но Ѳеодоръ Басенокъ предупредилъ ихъ: нагналъ хищниковъ, побилъ ихъ и отнял у нихъ полонъ³⁸³).

Причины неудовольствія великаго князя на Новгородъ заключались въ томъ, что послѣдній принималъ къ себѣ недруговъ Василя. Такъ, онъ принялъ къ себѣ Шемяку, который тамъ и померъ. Митрополитъ Иона, въ своей перепискѣ по этому поводу съ новгородскимъ владыкой, настаивалъ на томъ, между прочимъ, чтобы Шемяка прислалъ къ великому князю посла съ челобитиемъ и чистосердечнымъ раскаяніемъ въ своемъ преступленіи противъ старшаго брата. Шемяка, дѣйствительно, присылалъ въ Москву съ своимъ бояриномъ грамоты, но «съ великою высостию», а о преступленіи своемъ ничего даже и не упоминалъ. Новгородскій владыка объяснялъ радужный

---

382) Ibid. VI, 180; VIII, 144; Ник. V, 278; Акты Ист. I, № 56. Къ этому времени или, лучше сказать, къ 1454 г. надобно отнести договоръ (С. г. г. и д. № 78—79) великаго князя съ Василюмъ Ярославичемъ боровскимъ. Издатели относятъ его ко времени около 1451 г. Но то обстоятельство, что въ договорахъ говорится объ удѣлахъ Шемяки и Ивана можайскаго, которые, т. е. удѣлы, должны быть за великимъ княземъ, никакъ не позволяютъ думать, чтобы договоръ этотъ состоялся раньше 1454 г., такъ какъ только въ этомъ послѣднемъ году князь можайскій бѣжалъ въ Литву. По этому договору великій князь и всѣ его сыновья становятся по отношенію къ Василю Ярославичу «братъею старѣйшею»; Василю Ярославичъ отступается въ пользу великаго князя отъ Дмитрова; вмѣсто недоданныхъ ему великимъ княземъ городовъ дѣда Василюва, Владиміра Андреевича, какъ Городецъ, Козельскъ, Алексинъ, купля Пересвѣтова, Лисинъ, Иванъ Васильевичъ даетъ Бѣжецкій Верхъ, Звенигородъ и пр.

383) Ibid. IV, 147; V, 271; VI, 180 (подъ 1454 г.); VIII, 144; Ник. V, 279.

пріемъ Шемяки въ Новгородѣ старымъ обычаемъ, по которому всякій князь, прибѣгавшій подъ кровъ св. Софіи, принимался съ почетомъ; выставлялъ также на видъ, что митрополитъ и самъ называлъ Шемяку своимъ сыномъ. Иона, выставляя на видъ вины и злодѣянія Шемяки, не только отказывался отъ признанія его своимъ сыномъ, но и заявлялъ, что вмѣстѣ съ нимъ, митрополитомъ, всѣ владыки и все русское священство считаютъ Шемяку отлученнымъ отъ Божіей церкви³⁸⁴). Другой князь, неужившійся съ Москвой и слѣдовательно непріятный ей, перешелъ, въ половинѣ іюня 1455 г., изъ Пскова въ Новгородъ, — это — Василій Васильевичъ Гребенка, кн. суздальско-шуйскій. Недовольный своимъ удѣломъ и вообще положеніемъ своего дома, онъ уѣхалъ сначала въ Новгородъ, а потомъ, въ 1448 г., переѣхалъ во Псковъ; въ 1455 г., какъ сказано, онъ опять переѣхалъ въ Новгородъ... Великій князь отослалъ въ Новгородъ «грамоты взметныя» и выступилъ въ походъ въ февралѣ 1456 г. Въ Волокъ собрались къ нему всѣ князья и воеводы, долженствовавшіе принять участіе въ походѣ; сюда же явился новгородскій посадникъ съ челобитьемъ, чтобъ великій князь пожаловалъ: на Новгородъ не шелъ бы и гнѣвъ свой отложилъ бы. Но Василій челобитья не принялъ. Вступивши въ Новгородскую землю, онъ послалъ кн. Ивана Васильевича Стригу-Оболенскаго и Оедора Басенка на Русу, граждане которой, не ожидая столь быстрого прибытія низовской рати, не успѣли вывезти или припрятать своихъ пожитковъ, такъ что московскіе воеводы должны были отправлять прибрѣтенную добычу въ свою землю съ ратными людьми. Ратныхъ людей осталось здѣсь, и съ воеводами и съ дѣтьми боярскими, весьма небольшое число, менѣе двухъ-сотъ. А между тѣмъ изъ Новгорода наступала пятитысячная рать. На совѣтѣ воеводы порѣшили выступить противъ этой рати, такъ какъ — говорили они — воспользовавшись добычею, они сами отпустили съ ней ратныхъ людей, сами же и должны, слѣдовательно, выходить изъ такого критическаго положенія. Притомъ же, говорили они, если не биться съ новгородцами и не пасть въ бою, то все равно придется погибнуть за вину отъ своего государя. Мѣсто для битвы было весьма неудобно: враждующія стороны раздѣлялись плетнемъ и снѣжными суметами. Московскіе воеводы, замѣтивъ, что на новгородцахъ очень крѣпкіе доспѣхи и что, поэтому, ихъ трудно будетъ одолѣть, порѣшили стрѣлять по конямъ, а не по всадникамъ; кони вслѣдствіе этого начали бѣситься и метаться въ разныя стороны, а неискусные и необученные военному дѣлу всадники, вооруженные длинными копьями, которыми не умѣли владѣть, падали съ коней и этимъ производили

384) Акты Ист. I, № 53; Доп. къ Актамъ Арх. Экс. I, № 372.

необыкновенное замѣшательство; наконецъ, новгородцы ударились въ бѣгство, а московскіе воеводы преслѣдовали ихъ по пятамъ. Тутъ пойманъ былъ, между прочимъ, посадникъ Михаилъ Туча. Въ полонъ много нельзя было брать по малочисленности московской рати, изъ которой, говоря современнымъ языкомъ, нельзя было отряжать большаго конвоя къ плѣннымъ. Новгородъ пришелъ въ уныніе, когда прибѣжали туда остатки разбитой рати... Раздался вѣчевой колоколь, собрались новгородскія власти и граждане, но никто не зналъ, съ чего и рѣчь начать; наконецъ, какъ будто пьяные, говорили то, что придетъ въ голову: одни — одно, другіе — другое. Верхъ взяла мысль — просить владыку, чтобы отправился къ великому князю съ челобитьемъ. Архіепископъ хотя и заявлялъ, что за преступленіе новгородцевъ ему нельзя и на очи показаться великому князю, — тѣмъ не менее, видя, въ какой бѣдѣ находится его паства, отправился съ посадниками, тысяцкими и житъями людьми: посѣтилъ, по обычаю, сначала князей и бояръ московскихъ и просилъ ихъ ходатайствовать за Новгородъ предъ великимъ княземъ; наконецъ, допущенъ былъ на очи самого великаго князя. Василій Васильевичъ, послушавъ челобитья богомольца своего, а также братьевъ и бояръ своихъ, взялъ съ новгородцевъ «за свою истому» около 10,000 новгородскихъ серебряныхъ рублей кромѣ того, что дано было новгородцами братьямъ и боярамъ великаго князя. Послѣ этого въ Новгородъ посланы были бояре, которые привели новгородцевъ къ крестному цѣлованію. Договоръ Новгорода съ великимъ княземъ, заключенный въ Яжелбицахъ (120 в. отъ Новгорода), содержитъ въ себѣ зачатки того, что послужило потомъ къ паденію новгородской самостоятельности. Новгородцы отступались для великихъ князей, Василія Васильевича и Ивана Васильевича (который объявленъ соправителемъ отца въ 1450 г.), отъ пріобрѣтенныхъ ими ростовскихъ и бѣлозерскихъ земель; обязывались платить черной боръ, отмѣнить вѣчевыя грамоты, новгородскую печать замѣнить печатью великаго князя, не вмѣшиваться въ княжескія усобицы, не принимать къ себѣ князей: можайскаго и сына Шемяки, Ивана Дмитріевича Шемякина съ дѣтьми ихъ, а также матери и зятьевъ послѣдняго; не принимать никакихъ лихо дѣевъ великаго князя, откуда бы они ни явились³⁸⁵).

385) П. С. Р. Л. III, 141; IV, 132, 147, 216—217; V, 31—32, 271—272; VI, 181; VIII, 145—147; Цик. V, 281—283; А. А. Эксп. I, № 58. Василій Васильевичъ выступилъ въ походъ, по Никои. и Воскр. лѣт., 19-го, а по другимъ—2-го февраля. Въ Новгородской 4-ой сказано, что новгородскій владыка «доби челомъ великому князю поддесяты (а не десятью, какъ въ другихъ лѣтописяхъ) тысящи рублей»; по другимъ извѣстіямъ онъ далъ 8,500 р. (Карамз. V, 203). — Походъ на Новгородъ былъ зимой, а Василій Ярославичъ схваченъ по однѣмъ лѣтописямъ 3-го, по другимъ — 5, по третьимъ — 10-го июля. Объ факта одинъ за другимъ помѣщаются въ лѣтописяхъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ.

Въ томъ же **1456 г.** великій князь одержалъ двѣ весьма важныхъ, такъ сказать, безкровныхъ побѣды. Въ началѣ іюля онъ приказалъ схватить кн. боровско-серпуховскаго, Василя Ярославича, который, какъ мы видѣли, находясь въ родствѣ съ Темнымъ, былъ всегда ему преданъ и вѣренъ даже въ безвременье его. Что за причина была такой черной неблагодарности великаго князя, изъ лѣтописей не видно. Степенная книга говоритъ, но глухо, что онъ взялъ «за нѣкую крамолу». Другое безкровное завоеваніе великаго князя, относимое лѣтописями къ тому же году, это — отдача в. кн. рязанскимъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ какъ Рязанскаго княжества, такъ и сына-наслѣдника въ опеку Василя Васильевича, который постарался взять будущаго рязанскаго князя въ Москву, подъ предлогомъ воспитанія, поручивъ Рязанское княжество вѣдѣнію своихъ намѣстниковъ ³⁸⁶).

Если Василій Васильевичъ старался поставить Новгородъ въ такое положеніе, которое соотвѣтствовало бы его очевиднымъ стремленіямъ къ единодержавію; если онъ съ тою же цѣлю старался уничтожить такихъ князей, которые несомнѣнно были преданы ему, не говоря уже о князьяхъ-недругахъ его, то могъ ли онъ равнодушно смотрѣть на самостоятельную Вятку, родную дочь Великаго Новгорода, тѣмъ болѣе, что она такъ недавно была въ рукахъ московскаго князя, который отдавалъ ее Юрію галицкому? И вотъ, въ **1458 г.** Василій Васильевичъ посылаетъ кн. Ивана Васильевича Горбатаго, Григорія Перхушкова и другихъ на Вятку. Походъ этотъ, однако, былъ неудаченъ, что зависѣло отъ корыстолюбія воеводъ: лѣтописи говорятъ, что Перхушковъ «у вятчанъ посулы поималъ да имъ поровилъ». Вотъ почему воеводы и не взяли Вятки. Великій князь все-таки не хотѣлъ бросить намѣченной цѣли: въ **1459 г.** онъ послалъ на Вятку другихъ воеводъ: кн. Ивана Юрьевича Патрикѣева, Ивана Ивановича и кн. Дмитрія Ряполовскаго. Эти воеводы взяли Орловъ и Котельничъ, долго держали въ осадѣ Хлыновъ, такъ что, наконецъ, вятчане «добили челомъ на всей волѣ великаго князя» ³⁸⁷).

Въ томъ же **1459 г.** опять напомнили о себѣ татары Седи-Ахметовой орды: они подошли къ Окѣ. Великій князь выслалъ противъ нихъ сына своего Ивана, который отбилъ хищниковъ отъ берега. Въ слѣдующемъ **1460 г.** татары опять приходили на Рязанскую землю: ханъ Большой орды

386) Ibid. IV, 132, 147; V, 272; VI, 181; VII, 244; VIII, 147; Ник. V, 283—284; Соловьева «Ист. Р.» IV, пр. 96; С. г. г. и д. I, № 78—79, 84—85.

387) Ibid. IV, 147—148, 172; V, 272; VI, 181; VIII, 147—148; Ник. V, 284. По Соф. 2-й на Вятку посланъ Иванъ Ряполовскій, а по Воскр. и Никон. — Семень Ряполовскій и Григорій Перхушковъ.

Ахматъ, сынъ Кичи-Ахматовъ, остановился на Рязскомъ полѣ, а къ Рязани подошли Юсуфъ и Темиръ. Однако татаръ побили и заставили обратиться въ бѣгство³⁸⁸).

Но перейдемъ опять въ противоположную сторону, къ сѣверу-западу.

Мы видѣли, что съ Новгородомъ Василій Васильевичъ раздѣлялся довольно рѣшительно и даже круто; видѣли такія условія мира съ новгородцами, которыя должно считать предвѣстниками паденія Господина Великаго Новгорода и всѣхъ вольностей его. Не такъ поступалъ великій князь съ младшимъ братомъ Новгорода, Псковомъ. Въ отношеніяхъ къ послѣднему великій князь проявлялъ ббольшую мягкость и желаніе удовлетворить нерѣдко обращаема къ нему просьбы псковичей. Даже то обстоятельство, что псковичи посылали войско свое въ помощь Новгороду въ 1456 г., не навлекло на нихъ дурныхъ послѣдствій, что могло бы быть, если бы хоть сколько-нибудь хотѣлось великому князю смирить Псковъ и поставить его въ болѣе подчиненныя отношенія къ себѣ. Вѣроятно, великій князь не считалъ Псковъ ни въ какомъ случаѣ опаснымъ и считалъ возможнымъ справиться съ нимъ, когда ему заблагоразсудится. Къ Новгороду же, какъ представлявшему собой болѣе солидную политическую силу, Василій не могъ относиться безразлично, а потому при всякомъ удобномъ случаѣ старался ослабить его. За то и новгородцы, какъ сейчасъ увидимъ, если не всѣ, то многіе питали къ нему злобу. — Въ 1460 г. января 20-го Василій Васильевичъ пріѣхалъ въ Новгородъ съ сыновьями своими, Юриемъ и Андреемъ большимъ, по выраженію нѣкоторыхъ лѣтописей, «миромъ», т. е. просто посѣтить свою отчину, В. Новгородъ, и поклониться его святынь. Къ этому другія лѣтописи добавляють, что онъ пріѣхалъ «о всѣхъ своихъ управахъ», что вѣроятнѣе: съ спеціальною религіозною цѣлью московскіе князья, обыкновенно, ѣздили поближе, въ Троицкій монастырь. О пріѣздѣ великаго князя въ Новгородъ услышали псковичи, — у которыхъ все начало зимы 1460 г. проходило въ дракахъ съ нѣмцами и взаимныхъ опустошеніяхъ собственныхъ земель, — и послали въ Новгородъ къ великому князю пословъ бить ему челомъ «о жалованьи и о печалованіи своєю отчинѣ» и говорить: «есмя приобижени отъ поганыхъ нѣмецъ и водою, и землею, и головами, и церкви Божія пожжени отъ поганыхъ на миру и на крестномъ цѣлованіи». Въ то же время послы должны были вручить великому князю въ даръ 50 рублей, а также просить его, чтобы онъ далъ имъ своимъ намѣстникомъ, псковскимъ княземъ, кн. Александра Васильевича Черторижскаго.

388) Ibid. IV, 147—148; V, 272; VI, 182; VIII, 147; Ник. V, 285. Нѣкоторыя лѣтописи говорятъ только о первомъ, другія — только о второмъ, третьи — объ обоихъ набѣгахъ.

Великій князь согласился на послѣднюю просьбу съ тѣмъ условіемъ, чтобы Черторижскій пѣловаль крестъ ему, великому князю, и дѣтямъ его на томъ, что онъ зла имъ не будетъ ни хотѣть, ни мыслить. Черторижскій не хотѣлъ дать такой присяги и, не смотря на просьбы псковичей, не остался у нихъ и уѣхалъ въ Литву, а въ Псковъ Василій Васильевичъ послалъ сына своего Юрія, который, съ соизволенія отца, удовлетворилъ просьбу псковичей — далъ имъ въ качествѣ псковскаго князя, а великокняжескаго намѣстника, кн. Ивана Васильевича Оболенскаго Стригу. Василій Васильевичъ, пробывши въ Новгородѣ шесть недѣль, выѣхалъ обратно въ Москву 1-го марта. Одна изъ лѣтописей (Соф. 2-я) передаетъ фактъ, случившійся въ Новгородѣ вскорѣ по приѣздѣ туда великаго князя. Если извѣстіе этой лѣтописи достоверно, то передаваемый ею фактъ указываетъ на то раздраженіе новгородцевъ, которое возбудилъ въ нихъ великій князь походомъ **1456 г.** Вотъ этотъ фактъ. По приѣздѣ великаго князя новгородцы собрались къ св. Софіи по звону вѣчеваго колокола и совѣщались объ убіеніи Василя и дѣтей его. Этотъ кровавый замыселъ не приведенъ въ исполненіе, благодаря только владыкѣ Іонѣ, который, явившись на вѣче, указалъ имъ на все безразсудство ихъ предпріятія: старшій сынъ великаго князя, по словамъ владыки, услышавши объ участи отца и братьевъ, возьметъ рать у царя (т. е. хана) и разоритъ всю Новгородскую землю... Трудно заподозрить это извѣстіе въ неправдоподобіи. Хотя другія лѣтописи ничего подобнаго не передаютъ, а многія изъ нихъ, напротивъ, говорятъ, что Василій принялъ былъ съ любовію, — но, во 1-хъ, одна изъ нихъ, говоря о прибытіи Василя въ Новгородъ, добавляетъ: «а новгородцы во сторожи жиша»; во 2-хъ, по нѣкоторымъ лѣтописямъ тогда же какіе-то «шилники» хотѣли убить Федора Басенка; въ 3-хъ, въ Новгородѣ, несомнѣнно, много было гражданъ, озлобленныхъ на Василя за отнятіе имъ у Новгорода нѣкоторыхъ правъ по договору **1456** года³⁸⁹). — Между тѣмъ, вскорѣ по отъѣздѣ великаго князя, въ Новгородъ прибыли нѣмецкіе послы для заключенія перемирія на пять лѣтъ. Псковичи и новгородцы отправили пословъ къ великому князю съ пѣлію доложить о просьбѣ нѣмцевъ. Василій Васильевичъ далъ свое согласіе. Въ то же время изъ Пскова почему-то выѣхалъ великокняжескій намѣстникъ, кн. Иванъ Стрига. Псковичи отправили съ нимъ пословъ къ великому князю съ дарами и челобитьемъ о томъ, чтобы онъ печаловался о нихъ, — и Василій далъ имъ намѣстника въ лицѣ

389) Ibid. III, 141; IV, 127 (подъ 1461 г.), 132, 148, 219—220; V, 33 (подъ 1461), 272; VI, 182; VIII, 148; Ник. V, 285. Странно, что изъ нашихъ новѣйшихъ историковъ одинъ только К. Н. Б.-Рюминъ («Русск. Ист.» I, 330) отмѣчаетъ этотъ фактъ готовившагося покушенія на жизнь великаго князя.

кн. Владиміра Андреевича, сына Андрея Алексадровича, кн. ростовстаго. Хотя кн. Владиміръ посланъ былъ во Псковъ «не по псковскому прошенію, ни по старинѣ», тѣмъ не менѣ псковичи приняли его «съ любовію»³⁹⁰).

Въ предпоследній годъ своей жизни Василій Васильевичъ, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, собрался въ походъ на Казань и былъ уже во Владиміръ, какъ къ нему явились казанскіе послы, и былъ заключенъ миръ, неизвѣстно, впрочемъ, на какихъ условіяхъ³⁹¹).

Въ годъ смерти Василя, т. е. въ **1462 г.**, дворяне боровскаго князя Василя Ярославича задумали высвободить своего князя изъ заточенія и на этомъ цѣловали другъ къ другу крестъ. Но замыселъ ихъ открылся, и великій князь приказалъ казнить ихъ «казнью незнаемою»: бить кнутомъ, отсѣкать руки, рѣзать носы, а инымъ отсѣкать головы³⁹²). Это было послѣднимъ дѣяніемъ великаго князя.

Василій Васильевичъ разболѣлся *сухотною болѣзнію* и приказалъ жечь на разныхъ мѣстахъ тѣла трутъ — обыкновенное тогдашнее врачебное средство противъ названной болѣзни, какъ видно изъ тогдашнихъ лечебниковъ, такъ называемыхъ «Добропрохладныхъ вертоградовъ». Сверхъ ожиданія, на тѣлѣ образовались раны, которыя начали гнить. Предвидя скорый конецъ жизни, великій князь хотѣлъ принять пноческій чинъ, но его удержали отъ того. Онъ скончался 27-го марта³⁹³).

Василій Васильевичъ былъ женатъ, съ **1433 г.**³⁹⁴), на Марьѣ Ярославовиѣ (ум. въ мон. съ именемъ Мары въ **1484 г.**), дочери Ярослава Владиміровича, князя боровско-серпуховскаго, и отъ этого брака имѣлъ дѣтей: Юрія старшаго, Ивана, Юрія младшаго, Андрея старшаго, Семена³⁹⁵), Бориса, Андрея младшаго и дочь Анну бывшую въ замужествѣ за Василіемъ Ивановичемъ, в. кн. рязанскимъ.

Старшій сынъ Василя умеръ младенцемъ, а потому великокняжеское достоинство переходило ко второму сыну, Ивану. Василій Васильевичъ по собственному опыту зналъ, что даже и у законнаго наслѣдника, по новому порядку престолонаслѣдія (отъ отца къ старшему сыну), утвердившемуся и въ сознаніи народа, честолюбивые родичи могутъ оспаривать престолъ, опираясь на старый порядокъ престолонаслѣдія (чтобы только имѣть пред-

390) Ibid. IV, 220—221; V, 33 (подъ 1462 г.).

391) Ibid. VIII, 149, Ник. V, 288.

392) Ibid. IV, 148; V, 273; VI, 185; VIII, 150; Ник. V, 289.

393) Ibid. IV, 132, 148; V, 273; VI, 185; VIII, 150; XV, 496 (умеръ 28 марта); Ник. V, 289 (умеръ 17 марта).

394) Ibid. V, 264—265; VI, 148; VIII, 97.

395) С. М. Соловьевъ (т. IV, родосл. табл.) почему-то не отмѣчаетъ Семена, между тѣмъ какъ онъ упоминается въ лѣтописяхъ.

логъ), или просто — на силу, — а потому, чтобы его наслѣдникъ избѣжалъ возможныхъ честолюбивыхъ искательствъ со стороны своихъ родичей, еще при жизни своей объявилъ Ивана великимъ княземъ и своимъ соправителемъ, такъ что всѣ грамоты и даже устные повелѣнія исходили отъ двухъ великихъ князей. Эта мѣра могла имѣть и практическое значеніе: народъ еще при жизни Василя привыкалъ смотрѣть на сына его Ивана, какъ на великаго князя.

Такъ какъ Василій, уничтожая удѣлы и вольныя общины, сознательно стремился къ единодержавію и, слѣдовательно, хорошо видѣлъ, что его преемнику въ этомъ направленіи остается сдѣлать весьма немного, то онъ постарался дать ему и всѣ средства къ тому, — по крайней мѣрѣ, къ такому заключенію можно придти, основываясь на его духовномъ завѣщаніи: вмѣстѣ съ великокняжескимъ достоинствомъ и собственнымъ жребіемъ на Москвѣ и селами Добрянтинскимъ и Васильцевымъ, считавшимися неотъемлемою принадлежностью cadaго великаго князя, онъ назначаетъ ему самый обширный удѣлъ. Вотъ что входило въ этотъ удѣлъ: Коломна, Владиміръ, Переяславль, Кострома, Галичъ, Устюгъ, Вятка, Суздаль, Нижній-Новгородъ, Муромъ, Юрьевъ, Великая Соль, Боровскъ, Суходоль, Калуга, Алексинъ и множество московскихъ селъ. Замѣчательно, что Владиміръ, этотъ символъ великокняжеской власти для предшественниковъ Василя, теперь отходитъ на второй планъ. Еще въ самомъ началѣ княженія Василя у него оспариваютъ великокняжеское достоинство и занимаютъ Москву, а не Владиміръ. Нельзя не замѣтить еще, что Суздаль, Устюгъ и Вятка въ завѣщаніяхъ прежнихъ великихъ князей не упоминаются. Второму сыну, Юрію, даны: Дмитровъ, Можайскъ, Серпуховъ, Медынь и Хотунь; Андрею большому: Угличъ, Устюжна, Рожаловъ, Кистьма, Бѣжецкій Верхъ и Звенигородъ; Борису: Ржевъ, Волокъ, Руза; Андрею меньшому: Вологда съ Кубеной и Заозерьемъ и нѣкоторыя костромскія волости; великой княгинѣ, женѣ своей: въ пожизненное владѣніе Ростовъ съ тѣмъ, чтобы ростовскіе князья и при ней вѣдали то, что вѣдали при немъ, великомъ князѣ; далѣе — Нерехта; кромѣ того, ей дана въ полную собственность купля его: городокъ Романовъ и Усть-Шексны ³⁹⁶).